

АНАТОЛИЙ КОВАЛЁВ

СТАРЫЕ МАСТЕРА

КНИГА О ПОЛИТЕХЕ

КЕМЕРОВО 2007

Ковалев Анатолий Павлович. Старые мастера.

В книге рассказывается о преподавателях Кемеровского горного института – Кузбасского политехнического института – Кузбасского государственного технического университета. Адресуется широкому кругу читателей.

Подписано в печать 15.10.07. Формат 148х210мм. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Объем 110 стр. Тираж 200 экз. *Зан. 962*
Издательство «Гаудеамус», 650056,
г. Кемерово, ул. Васильева 20 «б»;
тел. (384-2) 64-38-88.

«Старые мастера» задуманы и подготовлены мной как серия историко-художественных очерков о преподавателях КГИ – КузПИ – КузГТУ.

Читая различного рода публикации, я обратил внимание на то, что чаще всего они представлены как хорошие специалисты, опытные лекторы и педагоги. Пласт же личностно-биографический, человеческий, вообще остается тайной за семью печатями.

Я постарался восполнить этот пробел.

А. Ковалев

ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ АКУЛОВ

*Сквозь век, что железные песни поет,
Нам чудится слово пощады.*

М. Авакумова

Прошло уже более 30 лет со смерти В.И. Акулова, но имя его по-прежнему хранится «в святцах» кафедры маркшейдерского дела Кузбасского государственного технического университета. В памяти людей, работавших с Всеволодом Ивановичем, он – образец профессионализма и высокой нравственной культуры.

Всеволод Иванович родился 18 августа 1918 года в селе Лепсинск Андреевского района Алма-Атинской области. После смерти отца, ветеринарного фельдшера, в 1920 г., воспитывался матерью. Через рабфак, в сентябре 1935 г., он поступает в Сибирский (Красноярский) лесотехнический институт, откуда в 1937-ом перевелся по маркшейдерской специальности на третий курс Томского индустриального института, который заканчивает с отличием в мае 1941 г.

С июня 1941 г. по июнь 1950-го Акулов работал участковым, старшим и главным маркшейдером в рудоуправлении треста «Уралруда» и «Чиатур-марганец», получив в итоге огромный опыт практической маркшейдерии. В это же время пришел первый опыт педагогической деятельности – по направлению Министерства черной металлургии Всеволод Иванович полтора года, с сентября 47-го по январь 48-го, работал преподавателем-консультантом в Старооскольском геологоразведочном техникуме.

С декабря 1950-го начинается научно-педагогическая деятельность Акулова в Томском политехническом институте. Он работает на кафедре маркшейдерского дела ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. В 1959 году Всеволод Иванович защищает кандидатскую диссертацию по проблеме вычислений и уравнивания соединительной съемки. С ноября 1961-го Акулов возглавил горный факультет, но уже с сентября 1962 г. переводится в Кемеровский горный институт.

Закрепление на новом месте прошло в борьбе с теми, кто по разным причинам считал свои шансы на заведование выше, чем у Всеволода Ивановича. Один из эпизодов противостояния отражен в протоколе заседания Ученого Совета от 4.10.1962 г. Выступивший здесь председатель конкурсной комиссии сообщил о решении «не рекомендовать Акулова на замещение должности заведующего кафедрой маркшейдерского дела». И хотя это предложение принимается, в июне 1963 г. члены Ученого Совета почти единодушно (27 против 1) избирают Акулова зав. кафедрой. Очевидно, объективный ход событий все расставил по своим местам и справедливость, как говорят в таких случаях, восторжествовала.

С первых дней своего теперь уже совсем «легитимного» заведования Акулов уделил большое внимание учебному процессу. Всеволод Иванович организует работу своих товарищей таким образом, что уже через короткое время кафедра обзавелась маркшейдерским инструментом, появились программы по разным курсам, методические указания и учебные пособия. Качество изданных методичек было отмечено специалистами сибирских вузов. Как вспоминает Г.С. Головкин (декабрь 2005-го) «Доцент Иркутского института Базанов говорил: «Я объехал многие города и установил, что самые лучшие учебно-методические разработки представлены маркшейдерской кафедрой Кемеровского горного института».

Автором большого количества Указаний и Пособий стал сам Всеволод Иванович. Учебное Пособие Акулова «Расчет маркшейдерских съемок при гироскопическом ориентировании шахт» (Кемерово, 1969) и сегодня используется студентами горного факультета.

Методическое обеспечение учебного процесса сопровождалось широким развертыванием научной работы. Все члены кафедры вовлекаются в ведущий в процесс исследований актуальной проблематики. Их результаты, во-первых, отражены в 10 сборниках научных трудов, изданных в Кемерове и Томске (под редакцией Акулова), и, во-вторых, используются на шахтах и разрезах Кузбасса.

Он прекрасно знал свой предмет, вел его очень ответственно и интересно. Не замыкаясь в формате основного курса, постоянно увеличивал его теоретическое поле, читая спецкурсы – теорию ошибок, статистические методы обработки информации, сближение горных пород.

Профессиональные знания, лекторское, методическое мастерство органично соединилось с большим педагогическим талантом, основанном на философии прямой практической помощи своим подопечным.

Опустившим руки от трудностей, он помогал обрести почву под ногами, вразумлял строгим отцовским словом и взглядом, температуривших – отпаивал чаем, приходил в общежитие, принимал долги на дому. Двух своих студентов он вообще уберег от беды, грозившей обрушить их личные судьбы.

Дело было так. Василий Ермошкин и Саша Вирула (оба из ГМ-682), отхив большую часть кандидатского срока для вступления в партию, забрали назад свои заявления. Поступок объяснили принципиальным несогласием с

тем, что они наблюдали на факультетских партсобраниях – борьбой тщеславий, местечковых интересов, мелкотравчатых амбиций... Это, по мнению Ермошкина и Вирулы, абсолютно не совмещалось с их представлениями об истинной сути коммунистов. Они предложили меры по улучшению ситуации. Хотя эпоха идеологических опричьин была позади, райкомовские ортодоксы помрачнели, нахмурили брови. Готовилась расправа. Счастье «младореформаторов» состояло в том, что В.И. Акулов оказался «в курсе». Он буквально «выдернул» Василия и Сашу из отчисления: передвинул сроки защиты, дал успешно защититься и выдал на руки дипломы.

Потому «...ученики шли к нему за советом, как поступить в тех или иных жизненных ситуациях, доверяли свои личные тайны» (Из воспоминаний А.Д. Трубочанинова, ноябрь 2005-го).

Из стен же Кемеровского горного выходили как дворяне 16 века: «Конны, людны и оружны» – вооруженные глубокими знаниями маркшейдерии и реальными представлениями о жизни. Что, в свою очередь, предопределило успешность их трудовых биографий.

Так, главными маркшейдерами в разное время в угольной промышленности Кузбасса работали: Л.П. Котляков (шахта «Новокузнецкая»), С.И. Ильин (шахта «Заречная»), А.В. Волосаев (Моховский разрез), В.И. Конев («Артемьевский рудник»), Б. М. Смирнов и В.А. Курдюков (оба – шахта «Первомайская»), В.И. Батов («Распадская»), П.С. Ишутин («Имени Димитрова»), Г.С. Худякова (Разрез «Кедровский»), В.А. Дробот («Ольжересский»). С.С. Золотых возглавлял «Беловоуголь», А.Л. Вирула был вице-президентом ОАО «Кузбассразрезуголь».

В конце 60-х годов В.И. Акулов выступает в полном блеске своих профессиональных и человеческих достоинств: моральный лидер, авторитетный руководитель, незаурядный ученый, талантливый педагог. Силой и правдой своего бытия он все больше и больше привлекает к себе людей. Внешность Всеволода Ивановича этой поры идеально соответствует внутренне обретенной харизме. Выше среднего роста, предрасположенный к небольшой полноте, в уголках волевого рта затаилась улыбка, высокий и ровный лоб, густые, темные волосы, карие глаза – внимательные, спокойные, с расположением к человеку.

Зав. кафедрой маркшейдерского дела был человеком беспартийным, однако по сумме своих персональных качеств и поступков с лихвой перевыполнил «Моральный кодекс строителя коммунизма». Современники Акулова, люди, учившиеся у него, работавшие с ним, вспоминают Вячеслава Ивановича как высоконравственную личность, отмечают его обязательность, честность, принципиальность, личное невластолюбие, служение людям. «Он, не коммунист, – говорил один из лекторов обкома партии, – научил меня порядочности больше, чем какой-либо коммунист».

Областью научных интересов В.И. Акулова была проблема точности сбойки горных выработок. Она требовала в силу своей специфики очень объемных расчетов, блестящих математических способностей, и Всеволод Иванович, таковыми обладая, не щадил сил на этом поприще. «Он не рас-

ставался с бумажками даже на заседаниях Ученого Совета» - вспоминает Ю.А. Рыжков, – считал и считал, выстраивал легионы формул и, как полководец, бросал их на покорение истины. Работал Акулов действительно не только дено, но и ночно. Коллеги по институту хорошо знали, почему далеко полночь горит свет в одной из комнат квартиры зав. кафедрой маркшейдерского дела по Красноармейской, 125.

К весне 1973 г. Акуловым было опубликовано 76 научно-исследовательских работ, подготовлена докторская диссертация «Исследование точности и научные основы расчета новой системы подземной маркшейдерской опорной сети шахты». Имела ли она шансы на успех в условиях «вторжения» ЭВМ, быстро обесценивающих значение ранее трудоемких расчетов и «надломивших» целое направление горной науки? Есть разные точки зрения по этому вопросу. Известно другое. Докторская диссертация, защищенная 11 апреля 1973 г. в Ученом Совете Ленинградского горного института, не прошла экспертизы т. н. «черных оппонентов».

8 января 1975 года В.И. Акулов дал им настоящий бой на конфликтной комиссии, выступал резко, отвергал компромиссы, защищал самые острые места своей диссертации. Но решение Экспертного Совета при ВАК было неумолимым: отказать.

Потрясенный случившимся, он возвращается в Кемерово. Часто повторяет в кругу товарищей по работе: «Люди так верили в меня, а я их подвел!» Драма перерастает в трагедию. 20 января 1975 г. Всеволод Иванович умирает от сердечного приступа.

Имя его, к счастью для нас, не кануло в бездну времени, не затерялось среди сотен других имен. Большой портрет Акулова, писанный маслом, висит в коридоре четвертого этажа главного корпуса рядом с кафедрой маркшейдерского дела, где работают его ученики – доктор технических наук С.В. Шаклеин, кандидаты технических наук, доценты Г.С. Головкин, А.Д. Трубочанинов, Ю.М. Игнатов, С.Б. Корецкий.

ДАЛЕКО ОТ МОРЯ

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ АНПИЛОГОВ

*На полярных морях и на южных, по изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны, открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы, кто изведal мальстремы и мель
Чья не пылью затерянных хартий – солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте отмечает свой дерзостный путь*

Н. Гумилев

Сорок один год, с осени 1966-го, секцию тяжелой атлетики в нашем вузе ведет Валерий Павлович Анпилов. Не единожды, не дважды – огромное количество раз – его воспитанники поднимались на пьедесталы почета, прибавляя спортивной славы нашему КузГТУ.

Валерий Павлович родился 26 сентября 1940 года в Муроме, что на реке Оке, в семье Павла Ивановича и Анны Ивановны Анпиловых.

Запах, ощущение железа пришли в четырехлетнем возрасте: отец работал электросварщиком на военном производстве и, возвращаясь домой, любил, не снимая прожженной куртки, подбросить мальчонку к потолку под беспокойными взглядами матери.

Рос он крепеньким, здоровым, наливался соками благодатной муромской земли, еще в былинные времена рождавшей богатырей.

Сердце юного муромца, подобно сердцам сверстников-мальчишек, делилось ровно на две части – между стадионом и рыбалкой. Зимой же заворачивал, увлекал, затягивал городской каток. Спортивность Анпилова-подростка росла, как на дрожжах.

А еще – занятия в Морском клубе, организованном вышедшим в отставку капитаном дальнего плавания, моряком джеколондоновской фактуры. Капитан учил ребятшек вязать узлы, делать модели кораблей, правильно (с ударением на втором слоге) выговаривать: «компас», «шторма». От теории не отставала практика: летом ходили в походы на шлюпках, учились управлять с парусами.

Сильно нравились Валерке Анпилову занятия в Морском Клубе, трепетало сердечко от рассказов бывалого морского волка. Силой воображения создавал он картины дальних путешествий, противоборство с разбушевавшейся стихией. Приходило физическое ощущение соленых брызг на губах, волны же плескались рядом с крыльчком дома, где он жил с родителями...

Быть бы Анпилову Хозяином Морей, как Расселу Кроу из одноименного голливудского блокбастера... Судьба повела его иными путями.

Находясь в рядах вооруженных сил (Западная группа советских войск в Германской Демократической Республике) он усиленно занимается классической борьбой, выполняет 1-й разряд, много читает спортивной литературы. Огромное впечатление произвели XVII Олимпийские игры в Риме (1960), где советские спортсмены завоевали 103 медали.

После армии Анпилогов приехал в Волгоградский институт физической культуры, надеялся специализироваться по любимой «классике», однако в тот год туда не набирали, предложили взамен «штангу». Нужно было еще, правда, иметь третий разряд. Анпилогов успешно сдал теоретические дисциплины и технические нормативы и поступил в вуз.

Учился легко, глубоко вникая в суть предметов, стремясь выйти за рамки предлагаемых форматов. Занимался научно-исследовательской работой. Здесь же, во ВГИФКе, под руководством заслуженного тренера СССР Н.И. Лучкина, выполнил 1-й разряд по штанге.

В конце июня 1966 года судьба в «колоду карт» вложила козырной туз: при распределении он принял предложение поехать в далекий Кузбасс. Требовался тренер по штанге в КузПИ (КузГТУ).

26 августа Валерий с фанерным чемоданчиком (пара белья и номера «Советского спорта») прибыл к месту назначения, нашел главный учебный корпус, кафедру, представился руководству, в том числе на самом высоком уровне. Новичок сразу понравился – лобастый, налитый силой, держится уверенно, спокойно отвечает на вопросы.

Петр Иванович Кокорин увидел все и сразу. Приказ № 945 от 30 августа зачислял «молодого специалиста», окончившего ВГИФК, товарища В.П. Анпилова... в институт на должность преподавателя кафедры физвоспитания и спорта».

А уже через четыре месяца молодой тренер повез штангистов (в составе команды института) в Свердловск на Всесоюзные игры горно-металлургических вузов. Выступили тяжелоатлеты достойно – 4-е место из восьми коллективов. Свердловский дебют Анпилова-тренера дополнился его личным триумфом: отпросившись на денек в Муром, он махнул туда ночным поездом и высватал в ту поездку красавицу Галину Королеву.

С той поры прошло более 40 лет.

В октябре 2007 года Валерию Павловичу исполнилось 67 лет. Прожита значительная часть большой и интересной жизни. Фарватер ее лег основательно и надежно по единственному руслу – истории нашего вуза.

Усилиями Валерия Павловича выпестовано, взлелеяно мощное спортивное направление – специализация по штанге. Имена штангистов-политеховцев сотни раз звучали на соревнованиях самого высокого уровня. Девять человек – В. Волков, В. Черкасов, А. Булатов, В. Пуртов, В. Килин, С. Лифаров, Н. Белянов с горного факультета, а также В. Бобылин с шахто-строительного и С. Ксенофонов со строительного – стали мастерами спорта Советского Союза. Более 30 человек выполнили технические нормативы кандидатов в мастера спорта, очень многие получили разряды.

Такие результаты, конечно же, немыслимы вне высокого профессионализма Валерия Павловича как тренера, специалиста своего дела. В основе тренерского дара Анпилова, как и в основе всех божьих даров на свете, лежит огромная любовь к своему делу. Мистически связанный со штангой, он наделяет ее качествами живого существа. «Штанга, – говорил мне Валерий Павлович, – не терпит грубости, пренебрежительного обращения с собой.

Мы, штангисты, например, не имеем права переступить через нее после невзятия веса – лишь коснуться рукой, мысленно сказать: «Ничего, в следующий раз будет удачнее».

Разумеется, что к любви приложено еще кое-что из тренерского специнструментария: научные основы тренировок, интуиция, прогностический дар в отношении своих подопечных, умение установить с ними деловой и чисто человеческий контакт. В последнем мой герой просто искусен. Разговаривая со своими подопечными, обсуждая с ними нюансы соревнований, Валерий Павлович может ласково ругнуться, привнеся в общение неожиданный шарм.

Тренерская, преподавательская деятельность при всей своей важности не мешала Анпилову в общественной работе. Он был членом Ученых Советов горного факультета и университета, избирался в состав федераций по тяжелой атлетике и как судья республиканской категории судил на многих ответственных соревнованиях.

Довелось ему «порулить» и коллективом единомышленников на кафедре.

«Однажды, – вспоминает Валерий Павлович, – меня вызвал ректор М.С. Сафохин. Я волновался, не знал, в чем дело. Михаил Самсонович, сделав предложение принять кафедру, не стал дожидаться ответа. Полуобняв за плечи, он подвел меня к большому макету на стене и сказал: «Вот здесь будет легкоатлетический манеж, и вообще у нас с тобой столько планов!»

«Жизнь, конечно, – продолжает Анпилов, – выстроилась далеко не так романтично, как в тот памятный вечер у стенда с манежем, но о принятом решении стать заведующим кафедрой не жалею. Да и общение с элитой университета дорогого стоило».

«Анпиловское» десятилетие, несмотря на сложные экономические условия, связанные с приходом диких «рыночных отношений», было продолжено традицией поступательного движения кафедры. Закончено строительство лыжной базы, приведены в порядок теннисный корт и баскетбольная площадка во дворе главного корпуса, построены спортплощадки при общежитиях. Эффективно работал спортивный клуб, пришли молодые, энергичные преподаватели – С.Д. Козлов, Н.А. Медведева, А.И. Гореликов, Н.А. Букреева, Н.А. Мелешкова и другие.

За пределами расписаний и амплитуды движения штанги вверх – вниз, ценность № 1 для Валерия Павловича – семья. В семье он – добытчик, работавший в молодости на трех работах без счета времени, опора жены – Галины Александровны, заботливый и требовательный отец детей – Андрея и Ольги. Дети получили образование, устроили свои судьбы, стали достойными людьми.

Живут Анпиловы-старшие и Анпиловы-младшие в тесной дружбе друг с другом, в лучших традициях старинной русской семьи.

Валерий Павлович не чужд журналистики и писательства. Его материалы, посвященные рыбалке и спортивным соревнованиям, печатались в «Кузбассе», «Кузнецком крае», газете «За инженерные кадры». Рассказы

В.П. Анпилогова опубликованы в сборниках прозы и поэзии, издаваемых ежегодно литературной студией «ЛИСТ» Кузбасского технического университета. Среди личных поэтических пристрастий Валерия Павловича – Арсений Тарковский. «Мерцая желтым языком // Свеча все больше оплывает // Вот так и мы с тобой живем // Душа горит и тело тает».

ПЛОТИНЫ ЕГО ЖИЗНИ

ЕМЕЛЬЯН АНДРЕЕВИЧ БОБЕР

«Главное – путь»

Г.Ф. Гегель

Десять с половиной лет, с 12 января 1973-го по 5 июня 1984-го года, горным факультетом руководил Емельян Андреевич Бобер.

Он родился 20 августа 1929 года в селе Поддубцы Березовского района Хмельницкой области. Дед его Аким попал под «горячую руку» коллективизации, был раскулачен и сослан в Красноярский край. Вместе с ним выехали молодые – сын Андрей с женой Зинаидой и 2-х месячным Емелей.

Детские и юношеские годы Е.А. Бобра прошли в селе Шалинском Манского района Красноярского края.

После окончания средней школы он поступает на горный факультет Томского политехнического института. Очевидно, пример был подан отцом, ставшим первым в истории семьи шахтером. Андрей Акимович почти 15 лет проработал в угольной промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Учился Емельян старательно, трудности учебы преодолевал большим прилежанием, корпел над учебниками, засиживался допоздна над конспектами по горным наукам. А когда почувствовал почву под ногами, уверенность в завтрашнем дне, стал смелее смотреть по сторонам, где бы еще приложить свои способности. Поле для такого рода деятельности нашлось легко – поле общественной работы. Емельян активно занимается профсоюзными делами курса и факультета, приобретает опыт работы с людьми. В рутинных хлопотах по сбору взносов, организации массовых мероприятий, вплоть до обеспечения явки на демонстрации, ведению отчетности, формируется талант будущего декана горного факультета.

Успехи в учебе и общественной работе на 5-м курсе дополнились важным событием в личной жизни: на одном из вечеров отдыха, где танцевались танго и фокстрот под звонкий баян юного Владислава Колмакова, он познакомился с симпатичной Зоей, студенткой мединститута. Молодые люди не стали испытывать свои отношения долгим временем, сыграли скромненькую свадьбу и зажили счастливо – по-семейному.

После окончания с отличием горного факультета в 1953 году, Е.А. Бобер преподает в Томском политехническом, заканчивает аспирантуру при кафедре пластовых месторождений. Серьезным, хотя и единственным огорчением «томского» периода, стало отклонение ВАК решения регионального Ученого Совета о присвоении Бобру ученой степени кандидата технических наук по результатам защищенной в 1959 году диссертации. Очевидно, при выборе темы диссертационного исследования (т. н. «Костры» А. К.) не была в полной мере учтена опасность утраты ее актуальности в связи с появлением новых факторов. В Кемерове Емельян Андреевич появляется летом 1962 года в составе «звездного десанта» томичей: горный факультет был за-

крыт и более 35 преподавателей влились в Кемеровский горный институт. Среди них – А.П. Андрианов, А.А. Байченко, В.И. Акулов, Ю.А. Рыжков, В.В. Проскурин, Р.В. Бузук и многие другие.

Начинается кемеровский период жизни Е.А. Бобра. Он быстро завоевывает одну позицию за другой.

Большие усилия прилагаются в области научной деятельности. Работая в составе творческого коллектива под руководством Н.А. Федорова по проблематике совершенствования крепления управления кровлей в очистных забоях, Емельян Андреевич подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Он становится старшим преподавателем, доцентом.

А 12 января 1973 года Емельян Андреевич заступил на главную вахту своей жизни: решением Ученого Совета он избирается на должность декана «титульного» факультета Кузбасского политехнического института – горного.

И тут пришло время поделиться с читателем одним наблюдением, проливающим свет на тайны судьбы и имени нашего героя.

Предки Емельяна Андреевича, очевидно, охотились на бобров или разводили бобров. Кстати, их фамилия долгое время звучала именно так – Бобровы. «Одна буква «потерялась» при смене документов в начале XIX века» (из воспоминаний Евгения Емельяновича Бобра, сына Емельяна Андреевича, декабрь 2003 года).

«Общение» в течение длительного времени привело к тому, что люди вольно или невольно переняли некоторые привычки, стереотипы поведения мирных обитателей речушек с медленным течением и озер. Вспомним еще вот что. Бобры большую часть времени заняты сооружением плотин, защитных сооружений для своего рода, для своей семьи.

«Плотинами» же Емельяна Андреевича были работа и семья, две твердыни, два божества его жизни.

Горный факультет при Е.А. Бобре продолжил уверенное движение вперед, набранное его учителем В.В. Проскуриным, демонстрируя стабильность и способность отвечать на запросы времени во всех аспектах учебной, научной, педагогической деятельности.

По воспоминаниям людей, знавших Е.А. Бобра, для него было характерно неспешное, внимательное изучение всех деталей и частных дел и принятие на этой основе обстоятельных, взвешенных решений.

Декан умел терпеливо слушать людей, уважительно относиться к чужому мнению, чувствовать и поддерживать предложения своих товарищей. Его полное понимание нашла в свое время идея В.А. Колмакова о чтении курса «Анализ производственных аварий». Проблематика удачно вписалась в учебные планы и читается до сих пор.

Управление учебным процессом во многом шло через постановку качественной методической работы. Составление учебных планов, согласование программ, издание методичек, учебных пособий, обмен передовым опытом – все это при Емельяне Андреевиче было организовано на высоком уровне. Как вспоминает профессор Ю.А. Рыжков, «от глубокого «наполне-

ния» методической работы не отставала и внешняя сторона – образцово оформленная документация, папочка к папочке, лист к листу, систематизированная и стопроцентно доступная в любое время дня и ночи».

Будучи мастером «классического менеджмента», Емельян Андреевич не ударял в грязь лицом и в нестандартных ситуациях. Однажды нужно было поздравить с юбилеем крупного ученого-горняка. Денег же на дорогой подарок в деканате не было. Бобер велел просверлить отверстие в медали из меди, изготовленной к 45-летию КузГТУ, продеть красивую ленту и надел ее на шею светиле горной науки под шумные аплодисменты собравшихся в актовом зале.

Большая работа декана горного факультета, его вклад в подготовку кадров для угольной промышленности Кузбасса и страны отмечена наградами: медалью «За доблестный труд», орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Министерства угольной промышленности.

Руководство факультетом, преподавательская и научная работа отнимали много времени, но и они же заставляли Емельяна Андреевича не жалеть себя в деле укрепления семьи.

Брак с худенькой, стройной блондинкой, высмотренной на танцах в студенческом общежитии, оказался на редкость удачным. Емельян и Зоя дополнили друг друга, идеально совместив свои жизненные ценности.

Постепенно решился жилищный вопрос: из деревянного барака с печным отоплением, удобства на улице, в Томске, они переехали в 2-комнатную квартиру на Красноармейской, 125, в Кемерове, потом - в 3-комнатную в «профессорском» доме на Весенней, 26. В 1954 году родился Андрей, в 1958 году – Евгений. Росли сыновья под добрым попечительством родителей, направляемые убедительными словами отца и строгостью матери.

Зоя Федоровна определяла «генеральную линию» в доме по части очередных ремонтов, приобретения мебели, домашних заготовок в зиму. Она же «возила» мужа по всему свету во время летних отпусков: Золотое Кольцо России, круизы по Средиземному морю, Дунаю, странам Юго-Восточной Азии, туры в Чехословакию и Германскую Демократическую Республику.

Кроме путешествий Емельян Андреевич любил фотографировать, работать с деревом, был большим ценителем и знатоком русской природы, заядлым грибником. Вообще с природой, в частности с лесом и водой, у него были какис-то родственные связи, не потерявшиеся в условиях индустриальной, городской цивилизации.

В конце 90-х годов прошлого века я часто встречал его в коридорах четвертого этажа главного корпуса. Мы здоровались за руку и обменивались парой фраз «за жизнь». Емельян Андреевич все больше и больше походил на старого бобра с печальными, мудрыми глазами. Однажды встречаю его и говорю: «Емельян Андреевич, у меня в группе паренек учится, фамилия тоже Бобер, не ваш внук?» А он мне тихо отвечает: «Мой внук умер». И мне так захотелось утешить его какими-то особенными словами, поддержать, но что-то пересхватило горло, и я лишь отвел взгляд в сторону.

Главная плотина лучшего из Бобров Кузбасского технического универ-

ситета разрушилась 23 января 2001 года – он умер от инфаркта, случившегося с ним прямо на верхних ступенях центральной лестницы главного корпуса, совсем недалеко от деканата горного факультета, там, где осталась половина его сердца.

Но мы, оставшиеся жить, переживая горечь утрат с дорогими людьми, все равно, даже сквозь слезы, застывшие глаза, будем смотреть на дорогу, по которой они шли, дорогу, поджидающую нас, дорогу, которая никогда не кончится.

ПОРТРЕТ В СВЕТЛОМ ИНТЕРЬЕРЕ. МАРИЯ ДМИТРИЕВНА БОНЕЛИС

Кафедрой иностранных языков Кемеровского горного института с 1950 по 1966 год с небольшими перерывами руководила Мария Дмитриевна Бонелис. Выпускники тех лет вспоминают о ней тепло, не скупятся на восторженные отзывы. В ее лице, без сомнения, мы имеем дело со «знаковой» фигурой институтского социума 50–60 годов.

Мария Дмитриевна родилась 6 августа 1921 года в городе Мелитополе Запорожской области в семье рабочего-столяра. Ее рано постигли утраты и испытания. В 1922 году умер отец, в 1941 мать. Забота о сестрах (одна из них была больна) и брате во многом легла на ее плечи. О материальных тяготах семьи в то время можно только догадываться. Известно, что в октябре 1940 года Маша Бонелис, студентка 2 курса Днепропетровского горного института, вынуждена была оставить учебу по причинам «снятия стипендии с неотличников» (так в автобиографии – А. К.).

Тяжкие, полуголодные годы закаляли, характер воспитывался стойкий, принципиальный. Иногда ей невероятно везло, и беду отводил Бог: так, в ночь с 5 на 6 октября 1941 года она с семьей эвакуировалась из Мелигополя, а 7-го город был захвачен немцами. Шансов же на выживание в оккупации под немцем с фамилией Бонелис было ничтожно мало.

Тяготы эвакуации не помешали Маше получить высшее образование на факультете иностранных языков Душанбинского государственного педагогического института (1944 г.). Затем была работа в Днепропетровском госуниверситете преподавателем английского языка. Шесть лет языковой и педагогической практики до переезда в Кузбасс дорогого стоили.

В марте 50-го Мария вышла замуж за Леонида Курзина, предпочтя, однако, остаться на девичей, аристократически звучащей фамилии Бонелис, вместо мужниной, пролетарско-крестьянской. Курзин Леонид Никитович, профессиональный партийный работник, был направлен на работу в Кемерово. Вместе с ним приехала и Мария Дмитриевна. В своей автобиографии, хранящейся в личном деле, она пишет о «вынужденности» переезда.

Приезд Бонелис совпал по времени с началом истории Кемеровского горного института: согласно приказу министра высшего образования, он был образован 9 сентября 1950 года. В октябре Марию Дмитриевну зачисляют преподавателем кафедры иностранных языков, а в ноябре – заведующей кафедрой. Тогдашнее руководство проникательно угадало в Бонелис незаурядные способности, доверив ей ответственную должность.

Работы оказалось непочатый край. Навалилась уйма дел, заставившая забыть о времени: кадры, учебный процесс, заседания кафедры, общественная деятельность... В первые годы выручало личное подвижничество, столь характерное для поколения 50–60-х: жили, трудились с ощущением участия в создании чего-то очень важного, очень необходимого для Кузбасса.

Бонелис великомерно владела языками, особенно английским. В от-

дельные годы на кафедре царил культ языка, культ предмета. Общение на переменах между преподавателями шло только на английском, французском, немецком. Свободно общались на ведущих европейских языках Бонелис, Колотовкина, Линдас, Соболева, Дудкина, Полянская, Бейлис, Новикова... Настоящий же кураж начинался с приходом В.К. Минятова, доцента кафедры строительной механики. Он был из дворян, настоящих «графьев», чудом уцелевший в бурях советского времени и волею судеб оказавшийся в кемеровской глубинке. Виктор Константинович свободно владел несколькими языками. Граф был галантен, целовал Бонелис ручки, читал стихи по-французски и рассказывал анекдоты по-английски и по-немецки.

Подбор кадров для кафедры, работа с людьми, конечно же, лишь одна из составляющих в деятельности Марии Дмитриевны. Был и стратегический дар, интуитивное ощущение тех принципиальных вещей, которые способны объединить кафедру, дать ей перспективу. Речь идет о науке. Подавая пример, Бонелис первой вступила на эту стезю. Девять лет – ровно столько понадобилось для учебы в заочной аспирантуре при МГПИИЯ (Московском государственном педагогическом институте иностранных языков) и подготовки кандидатской диссертации. Она была защищена в 1962 году по теме «Лексическая характеристика современной английской терминологии и основные способы образования горных терминов».

Следом потянулись товарищи по работе. Несколькими годами позже на защите М.Я. Бейлиной в Москве собралось уже семь человек аспирантов и слушателей ФПК из Кемеровского горного. Как справедливо замечает Елена Сергеевна Новикова, «это был триумф кафедры, триумф курса Бонелис».

Бонелис относилась к волевому типу руководителей. Демократизм общения с членами кафедры не исключал, а предполагал поддержание определенного уровня субординации и иерархичности – признаков любого здорового коллектива. В случае чего она вполне могла показать, кто настоящий «хозяин» на кафедре, а кто просто зашел чайку попить. Чрезвычайно много для нее значили принципы правды, справедливости. Независимая в суждениях и оценках, она защищала свои позиции перед лицом самого высокого начальства.

Хотя в отношениях с людьми преобладали ровность и благожелательность, внешняя сдержанность, очевидно, имела более сложную и глубокую внутреннюю рефлексию на происходившее вокруг. Так, она не удержала горя, заплакала при известии о смерти своего «кровника» по языку В.К. Минятова: «Ах, какой он был человек!», а после внезапной смерти от инфаркта зав. кафедрой горной механики Д.Л. Гарбуза долго носила траур.

Жизнь Марии Дмитриевны, как и всего поколения 50–60-х, немислима вне идеи служения обществу не только своими профессиональными знаниями, но и участием в работе политических и общественных организаций. Бонелис – член Совета Кемеровского горного, член вузовского партийного комитета. И везде деловая хватка, честность и искренность позиции, постоянная готовность к помощи.

Профессионализм и деловые качества Марии Дмитриевны не мешали

ей оставаться красивой женщиной. Выше среднего роста, темноволосая (короткая стрижка), с точеными, некрупными чертами антично правильного лица, в элегантном костюме с шейными платочками (черный фон с розовым), с быстрой легкой походкой, острым взглядом карих глаз, насыщенных энергетикой, она производила впечатление.

Студенты горных специальностей глядели на нее во все глаза. Стихийно влекомые к прекрасному, они видели в Бонелис эталон женской красоты. «Тысячи» из «Морнинг Стар» многими сдавались не только ради зачета или экзамена, а еще и по велению сердца ради прекрасных глаз любимого преподавателя.

Много ценителей ее внешности было и среди мужчин, коллег по совместной работе в институте. Как рассказывала автору этих строк Инесса Николаевна Соболева, «дверь на кафедру, находившуюся в главном корпусе на третьем этаже, не закрывалась. Особенно часто под разными предложениями заходили офицеры-преподаватели с военной кафедры, располагавшейся под нами». Мария Дмитриевна жила в поле напряженного мужского интереса. Очевидно, ей это нравилось, льстило самолюбию, не могло не льстить, но каждый, кто решался завести с ней роман «по-настоящему», терпел неудачу. Семья среди жизненных ценностей Бонелис стояла на первом месте.

В 1966 году по состоянию здоровья она оставляет руководство кафедрой и, поработав еще некоторое время почасовиком, вместе с семьей уезжает в Москву. Там преподает на курсах повышения квалификации. Годы тем временем шли, свивались в золотой клубочек, прибавляли седины в волосах.

И вот уже молодые преподаватели, вернувшись со столичной стажировки, говорили про нее: «Бабушка Бонелис».

Она действительно стала бабушкой и в этом новом, неизбежном для себя качестве возилась с внуками и правнуками, наставляла их на путь истинный.

Но и в московский период жизни оставалось верной своим жизненным идеалам. Активно участвовала в шествиях и митингах, организуемых Компартией Российской Федерации.

Мария Дмитриевна старалась не терять связи с Кемерово, с вузом, в стенах которого прошли, наверное, ее лучшие годы. Долгое время шла переписка с Еленой Сергеевной Новиковой и Инессой Николаевной Соболевой. В последние десять лет писем и телефонных звонков становится все меньше и меньше. Иссякает речка Иордан. Годы берут свое. Шестого августа 2007 года Марии Дмитриевне исполнилось 86 лет.

ЭДУАРД БРУТАН – ВРАТАРЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Эдуард Георгиевич Брутан родился 14 октября 1926 года, как раз на Покров, и, хотя времена стояли атеистические, отмахиваться напрочь от факта тайного благословения его имени нельзя: Эдуард Георгиевич стал народным вратарем, достиг вершины фантастически долгого творческого долголетия.

Место его рождения – город Каменск Ростовской области, но детство прошло в Харькове, куда семья военного инженера I ранга Брутана Георгия Константиновича переехала по служебной необходимости в начале 30-х годов.

Харьковчане в 30-х годах прошлого века держались на гребне футбольной волны. Их «Сельмаш» частенько припаривал москвичей и питерцев, да и киевлянам перепало на орехи. Увлечение футболом было всеобщим, «болели» взрослые и дети, от мала до велика.

В 33-м первый удар по мячу нанес Эдик Брутан. С друзьями по двору он играл без счета времени, приходил домой без ног и засыпал на полдороге головы к подушке. Обязанности вратаря сложились стихийно и подчас случайно, однако через семь лет Холодная Гора знала имя лучшего школьного голкипера: Эдик Брутан.

Безоглядное увлечение футболом помогло мальчишке хоть как-то заслониться от первого большого горя в жизни – ареста отца в 37-м году.

Харьковский период заканчивается в октябре 1941 года. Вместе с товарищами по ремесленному училищу № 16 он эвакуируется в Кемерово. Здесь, с января 1942 года, после окончания училища начинается трудовая деятельность электриком на заводе «Карболит».

В 1943 году Брутан как сын репрессированного направляется органами внутренних дел в Мариинск и работает под надзором на электростанции до весны 1945 года. В апреле 45-го его возвращают в областной центр, он снова трудоустраивается на «Карболите», и с этого времени устойчиво связан с Кемерово.

Личные качества Э.Г. Брутана, конечно же, сыграли важную роль в его успешном жизненном продвижении – исключительное трудолюбие и организованность, ответственность и интуиция в отношении событий, способных покатить колесо судьбы в нужную сторону...

Был еще один фактор, чрезвычайно оплодотворивший жизненные успехи Эдуарда Георгиевича – искусство вратаря. Семена, брошенные рукой providения в теплую пыль футбольных площадок детства и отрочества, на кузбасской земле проросли ярко.

Юный Брутан вряд ли отдавал себе отчет в масштабах личной спортивной одаренности и строил в связи с этим далеко идущие жизненные планы. Были сомнения и колебания, неуверенность в завтрашнем дне.

Точки над «і» расставило 8 октября 1946 года.

Тогда в финале Кубка области сошлись кемеровское «Динамо» и ста-

линский (новокузнецкий) «Металлург», команды молодые и неуступчивые. При счете 1:1 за пять минут до окончания динамовцы заплетают ноги «ихнему» левому краю в своей штрафной – пенальти!

Бил Алексей Анурин, штатный пенальтист сталинцев. Он приложился к удару отменно. Казалось не будет спасения от свинцовой молнии, метнувшейся в «девятку». Но навстречу ей выбросилась другая молния, из плоти и крови, прочертила пространство снизу вверх и ударила соперницу точно в сердце, остановив ее смертельный полет. «Брутан!», «Брутан!», «Брутан!» – полыхнул жаром стадион. А сам герой, наверное, именно тогда, с укрошенным мячом в руках, обжигающе пронзительно понял значение Дара в своей судьбе, которому надо покориться и следовать безоговорочно.

Он принадлежал к вратарской школе, олицетворяемой великим Яшиным – та же уверенная игра на выходах, та же безошибочность снятия мяча с головы нападающих, та же «кошачья» точность захвата мяча в любом углу ворот. «Играл Брутан, – пишет спортивный журналист С. Лидванский, – ...очень цепко и надежно. Особенно он был хорош на линии ворот – отменная реакция и отличная акробатическая подготовка позволяли ему буквально творить чудеса» («Спортивная газета Кузбасса». – 2003. – 15 июля).

Его фигура идеальных вратарских параметров (72 килограмма веса при росте в метр семьдесят восемь) в знаменитой с полукруглым козырьком серого цвета в кепке-москвичке, купленной по случаю в Одессе рядом с Морским вокзалом, стала визитной карточкой многих известных команд столицы Кемеровской области 40–70-х годов прошлого века.

Эдуард занял место основного вратаря в составе кемеровского «Динамо». Это было в 1946 году. Играли на первенство области. А потом в 1947–1949 годы – на первенство зоны Сибири и Дальнего Востока и еще дальше – на первенство РСФСР. В начале 60-х годов Эдуард переходит работать в политехнический институт, продолжая участвовать в официальных соревнованиях. Вплоть до 1990 года. Футбольный век Эдуарда Георгиевича составил 45 лет!

Щедро тратил Брутан себя в футболе, не жалел свой талант, не прибегал на черный день, но и футбол не оставался в долгу, платил звонкой монетой. Пришла известность. Порой на улицах вратарь «Динамо» и «Химика» не успевал отвечать на приветствия вроде бы лично ему незнакомых людей: «Здравствуй, Эдик!», «Привет, Эдик!», «Как дела, Эдик?» Болельщицкая аудитория Эдика была прежде всего народной: рабочий люд с «Азота» и «Карболита», иногда с «Жигулем» и воблой, отводивший душу на стадионе «Химик». Фамилия «Брутан» звучала в их среде силой и твердостью мужского характера, оправдывая семантическую основу фамилии своего любимца «крепкий», «мужественный». Брутан был еще ценим болельщиками за преданность футболу, за по-настоящему профессиональное отношение к делу. Никаких поблажек себе, никаких послаблений в виде хотя бы одной рюмки водки или выкуренной сигареты, ни одной!

Известность, даже «звездность» несколько не портили его – наоборот, формировали пронизательный взгляд на вещи, перспективы, обязывая к

движению вперед.

Все это вместе взятое, а также томительное желание рационального объяснения изощренной геометрии полетов собственного тела, привели его на физико-математический факультет пединститута, законченного заочно в 1960 году. Будучи студентом, стал преподавать физику в школах № 54 и 62.

Летом 1960 года Брутан увидел объявление в газете о конкурсе на замещение вакантной должности ассистента по кафедре физики в Кемеровском горном. Он принес документы и приказом П.И. Кокорина, тогдашнего ректора КГИ, был зачислен с 1 сентября в штаты искомой кафедры с окладом 105 рублей в месяц.

В одной из ранних характеристик, хранящихся ныне в личном деле Эдуарда Георгиевича, отмечалось: «...В высшей степени добросовестный специалист... исключительно трудолюбив и организован... большое упорство... скромность и отзывчивость».

Прошедшие десятилетия полностью подтвердили эти оценки.

Э.Г. Брутан сосредоточился на науке – поступил в аспирантуру и под руководством известного спектроскописта профессора А.В. Сечкарева подготовил кандидатскую диссертацию, защищенную в октябре 1966 года.

Молекулярная спектроскопия оставалась его главным научным интересом. Брутан активно участвовал в создании соответствующей учебной лаборатории, работал в экспертной комиссии института, опубликовал более 50 статей по проблемам спектроскопии.

Растет преподавательское, педагогическое мастерство. Эдуард Георгиевич стал прекрасным лектором с собственным стилем и почерком. Основательность, тщательная проработка деталей, методические «изюминки» в полной мере оценили студенты химико-технологического факультета, где Брутан много лет читает курс общей физики.

Немало сил и энергии вложено в общеузовскую и кафедральную работу. Здесь и председательствование в экзаменационной комиссии Кузбасского политехнического, и работа в Ученом Совете, методической комиссии, группе народного контроля. В настоящее время Эдуард Георгиевич является заместителем зав. кафедрой физики.

Полнокровны также другие аспекты бытия: прожито 55 счастливых лет в браке с женой Екатериной Никитичной, воспитаны две дочери Ирина и Алла, подрастают внуки, остается место театру и любимой опере «Аида» со всегда шемящей сценой смерти Радамеса...

14 октября 2007 года Эдуарду Георгиевичу исполнилось 81 год. Он по-прежнему среди нас, на трудовой вахте с постоянными командировками в филиалы по городам Кузбасса.

Брутан и здесь, в преподавательской работе, словно в своем любимом футболе, вопреки притяжению и времени, парит в броске, парируя мячи, летящие в «девятку».

ИВАН ФЕДОРОВИЧ БЫЧКОВ – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Во второй половине 50-х – начале 60-х годов деканом горно-электромеханического факультета был Иван Федорович Бычков.

И.Ф. Бычков был невысок ростом, худощав и носил строгий гражданский костюм светлого цвета с галстуком. Но в его адрес можно было смело повторить слова К. Маркса о Чернышевском: «В этой натуре таился дух гладиатора».

О Бычкове первокурсник узнавал от своих старших товарищей в день зачисления. Репутация декана горно-электромеханического факультета была однозначной. В борьбе за образцовый учебный процесс он гонял прогульщиков в хвост и гриву, безжалостно лишал стипендий, жестко спрашивал с отстающих.

Главной составляющей его «менеджмента» была фантастическая работоспособность и максимальная отмобилизированность. Денно и ночью Иван Федорович находился при своей «вотчине», дотошливо вникая во все ее дела и карая при малейших отклонениях от канонов. Обитую темной клеенкой дверь в деканат, маленькую комнату со столом и несколькими стульями, студенты открывали осторожно, с трепетом.

В своем неистовстве проконтролировать и зарегламентировать все и вся декан Бычков, очевидно, заходил далеко, за грань здравого смысла. Студенты это чувствовали. Не решаясь на открытые формы протеста, они, тем не менее, сопротивление оказывали. Однажды в туалете появилась надпись: «Воду из унитаза не пить. Бычков».

Важной управленческой «технологией» декана ГЭМФ в конце 50-х годов было задействование фактора личной вины студентов перед ним. Можно предположить, что этот фактор он сам сознательно и отчасти любовно выращивал, сознательно культивировал. Так или иначе, но Иван Федорович помнил все провинности студентов, стоило кому-то оступиться, шагнуть не с той ноги, как все это попадало в «компьютерную» память Ивана Федоровича. Так, первокурснику Лева Моисееву, ныне уважаемому профессору, пришлось однажды припоздниться на сутки с выездом на сельхозработы и добираться с не своей группой. Декан узнал об этом. И хотя Лева вернулся через месяц с грамотой за ударный труд, Иван Федорович вспоминал все пять лет только об опоздании.

И.Ф. Бычков два семестра читал общую электротехнику. Каждое его слово было отточено, выступления строились классически, формулы на доске писались в положении лицом к аудитории. За этой уверенной и отчасти артистической манерой выступлений стояли долгие тренировки перед лекциями, тщательнейшая проработка научной литературы.

Во время сессии Бычков становился Торквемадой. Экзамены по предмету часто начинались вечером и заканчивались в 3–4 часа утра, с первыми Красновскими петухами. Иван Федорович спрашивал строго, «неуды» высчитывал прямо в зачетки.

Большая часть оригинальности лежала на самой процедуре входа в аудиторию для сдачи экзамена: войти, а точнее вбежать, нужно было за несколько секунд – ровно за столько, сколько требовалось очередному сдавшему или не сдавшему предмет взять зачетку и выйти в коридор. Вот этот-то момент ожидающий у двери ни в коем разе не должен был пропустить. Он обязан был отследить вставание предшественника со стула, рвануться бежать вперед с испариной на лбу, подать зачетную книжку Бычкову и назвать свою фамилию. В противном случае – возвращение в коридор в боевую стойку до выхода очередного выходящего.

Огромная работоспособность и высокая мобильность Быčkova объяснялись прежде всего здоровым образом жизни. Иван Федорович был его неумолимым ревнителем. Он истово служил здоровому образу жизни.

Шло постоянное закаливание. Началось оно с обливания холодной водой, а когда этого показалось мало, Бычков стал рыть тоннели в сугробах и сидел там часами в одних спортивных трусах, приучая организм к низким температурам.

Излюбленным местом «сидений» был большой пустырь в районе нынешней Швейки. Однажды своим неожиданным появлением из норы Бычков напугал женщину, проходившую по тропинке. Ее с сердечным приступом увезли в больницу, а партком института запретил Бычкову залезать в ледяные норы. Иван Федорович не сдался. Он натаскал снега на чердак дома и устроил там «морозильную камеру». Весной снег растаял, затопил живущих на верхнем этаже, опять посыпались жалобы на Быčkova. И тогда партком вновь вызвал на ковер своего мятежного попечаемого и запретил ему эксперименты со снегом – на этот раз категорически и бесповоротно.

Болезненно ударив по самолюбию, запреты не погасили тем не менее неистовости Ивана Федоровича в служении культу физического здоровья. Он сделался фанатичным сторонником лыжного спорта, став чемпионом института на 25, 50 и 100 километров. Бычков, двигаясь почти безостановочно, мог не сходить с лыжни по 6–8 часов, запаривая в усмерть своих неизмеримо младших по возрасту спутников, неосторожно согласившихся на участие в знаменитых походах в компании с деканом горно-электромеханического факультета. «Он шел и шел вперед, как машина, не оглядываясь и сильно отталкиваясь палками, – вспоминают очевидцы. – Через 30–40 километров мы теряли представление о времени. Ничего не оставалось, кроме белого безмолвия, лыжни и небольшой фигуры Быčkova в старой фланелевой куртке и шортах, стремительно уходящей к горизонту».

Отношение к беспредельной приверженности Ивана Федоровича лыжному спорту на факультете и в институте было различным. Одни откровенно восхищались им, старались подражать своему кумиру в умении собраться в железный кулак на дистанции, подчинить самого себя самому себе, другие видели в этом какой-то перебор и позволяли иронию. Так, зав. кафедрой горной механики и теплотехники Д.Л. Г'арбуз, узнав об очередном маршброске Быčkova, в кругу своих коллег приставлял указательные пальцы к голове, изображая рожки, и говорил: «А нап-то (декан, то есть) опять убежал!»

В одной из своих жизненных ипостасей Бычков едва не дотянулся до английского короля Генриха VII, последний имел шесть жен, а Иван Федорович – пять. Очевидно, обоих, как личностей авторитарного склада, объединяло утилитарное отношение к своим женам: Генрих VII не прекратил своей королевской охоты, узнав о смерти Анны Болейн, а наш «Генрих», узнав о смерти своей жены, продолжал руководить факультетом до конца рабочего дня.

След Ивана Федоровича Быčkova после его отъезда из Кемерова в 1967 году теряется в безднах времени. Впрочем, рассказывают, что Бычков прожил долгую жизнь за пределами Кузбасса и в 80-летнем возрасте в «одних кедах взобрался на Белуху» (Л.Л. Моисеев).

ДАВИД ЛЬВОВИЧ ГАРБУЗ – ЖИЗНЬ И СУДЬБА

*Ударила молния и расщепила дуб.
Народное, притчевое*

В Кемерове Давид Львович Гарбуз появился в 1952 году. К тому времени он имел 37 лет от роду, опыт работы на Ташкентском руднике слесарем, электромонтером, механиком участка, помощником начальника цеха, главным энергетиком, главным механиком, а также отличный научный стаж – учебу в Ленинградском горном институте, в аспирантуре и защиту кандидатской диссертации.

С этим багажом он пришел в Кемеровский горный институт и проработал здесь 16 лет, из которых 13 руководил кафедрой горной механики.

Рассказывают, что Давид Львович был чуть выше среднего роста и ходил вразвалочку. В движениях же вообще выглядел нерасточительно, как человек, знающий себе цену. Лицо имел простое, приятное, светло-серые глаза, живущие глубокой внутренней жизнью. Волосы русые, с редкими вкраплениями седины после сорока. Все это в сочетании с костюмами свободного покроя нетемных тонов, классическими рубашками и галстуками придавало Гарбузу респектабельный вид.

Личностная одаренность Давида Львовича ярко проявлялась в слове. Скрытая энергетика речи, литературная оснащенность, эрудиция делали его интереснейшим собеседником. Разговором он завораживал, увлекал.

Отсюда и прекрасные лекторские способности. Свои курсы – «Общую электротехнику», «Рудничные вентиляционные установки», «Гидравлику» он читал с легкой полуулыбкой и едва заметной смешинкой в глазах под стеклами очков из-за высокой близорукости. Не принадлежа, очевидно, к исследователям, с именами которых ассоциируют школы и направления, он был блестящим популяризатором научных идей.

На экзаменах со студентами Гарбуз был требователен и благожелателен одновременно. «Неуды» ставил только в тех случаях, когда не поставить их было нельзя, то есть в случаях абсолютно провальных.

Эрудиция и интеллигентность, деловые качества и активная общественная позиция (был председателем месткома института) делали фигуру Гарбуза широко известной далеко за пределами КГИ – КузГПИ. Он притягивал к себе людей, знакомства с ним искали, дружбу ценили.

Всепоглощающей страстью заведующего кафедрой была любовь к автомобилю. Говорить о нем Гарбуз мог часами как о любимом существе. Первой машиной Давида Львовича стала «Победа», на которой он ездил быстро, любил газануть на кемеровских улицах и за городом.

Слабым же местом Гарбуза был ремонт машины. И тогда то ли судьба, то ли провидение послали ему почти что «личного» механика – соседа по Брусчатому поселку на Руднике, ставшего в 1957 году студентом Кемеровского горного, Леву Моисеева. Лев в технике разбирался едва ли не с пеленок

и машину своего знаменитого патрона обслуживал ответственно, нарезал гайки, менял масла, подкачивал шины. Мария Матвеевна, супруга Давида Львовича, видя такое усилие, не могла нарадоваться и уговорила паренька-умельца перекалибровать спидометр с 60 километров на 50, чтобы муж ее не шибко лихачил. Гарбуз заподозрил неладное и устроил «благодетелям» допрос с пристрастием, обратив, впрочем, создавшуюся ситуацию в свою пользу. Всем в институте он рассказывал: «Они меня берегут».

Большим событием стала замена «Победы» на «Волгу». Хотя она потребовала серьезных затрат (зарплата доцента в 1958 году составляла 3200 рублей в месяц, «Волга» стоила около 10000), положительных эмоций оказалось неизмеримо больше. Приподнятое настроение, даже эйфория в первые дни от обладания новой машиной переполняли Гарбуза. На лекции он вдруг почувствовал неудержимое желание поделиться радостью, но так как материал о рудничных вентиляционных установках не давал даже формального повода для обращения к любимой теме, то Давид Львович сделал вот что. Проговаривая медленно текст, он прошел через всю аудиторию, подошел к первокурснику Моисееву и, наклонив к нему лицо, медленно произнес одно слово: «По-лу-чил».

Давид Львович был примерным семьянином, жил душа в душу со своей женой Марией Матвеевной.

Однако он был не прочь поговорить о женщинах. Однажды на квартире у преподавателя Хари, когда мужчины расслабили галстуки после армянского коньяка, Гарбуз, внимательно выслушав всех, сказал о своей сильной привязанности в молодости к девушкам поющим. «Мне казалось, – добавил он, оглядев компанию смеющимися глазами – что такими легче овладеть».

Казалось, что судьба нескончаемо будет нежить и беречь своего любимца, но внезапно случилось нечто неожиданное: докторская диссертация, защищенная 20 июня 1963 года в МИРИГЭ, оказалась у «черного оппонента», который дал резко отрицательный отзыв. «Обоснование» «научной несостоятельности» Гарбуза заняло 102 страницы. Диссертацию «завернули» с обычными для такого случая рекомендациями: «доработать», «устранить», «улучшить».

Учитывая достаточно высокий уровень самого соискателя (29 публикаций, в том числе учебник по горной механике), жесткое сито предварительных обсуждений в самом КГИ, все это выглядит более чем странным, если только мы не имеем дело с «грязными технологиями», дискредитирующими Давида Львовича.

Д.Л. Гарбуз сильно переживал, пытался сопротивляться жестоким ударам судьбы, много работал над улучшением диссертации, но общая ситуация с защитой принципиально не менялась. Между тем шли годы 1963, 1965, 1966, 1967... Внутри Давида Львовича что-то рушилось, надламывалось, поселилась пустота. «Он рос и благоухал, – писал когда-то Ключевский об Александре Первом, – пока стояла теплая погода, а когда подули холодные ветры, он завял и опустился».

Тридцатого января 1968 года президиум ВАК отклонил ходатайство

совета КузПИ об утверждении Гарбуза в ученом звании профессора, мотивировав отсутствием у последнего ученой степени доктора наук.

Последовали инфаркты. Один из них, последний, третий по счету, свел Давида Львовича в могилу. Его смерть, человека еще недавно физически здорового, излучающего оптимизм, потрясла многих.

Хоронили Гарбуза много людей. Могила его находится неподалеку от центрального входа на старое кладбище. На мраморной плите художник изобразил могучий дуб, расщепленный молнией. Рядом со временем последний приют обрели многие знаменитые люди Кемерово – артисты, литераторы, спортсмены, общественные деятели. С ними-то в компании и смотрит свой вечный сон Давид Львович Гарбуз.

Письмо из Израиля

Здравствуйте, уважаемый господин Ковалев!

Пишут Вам жена и дочь Гарбуза Давида Львовича, чтобы выразить огромную благодарность за статью, опубликованную в газете «За инженерные кадры» в рубрике «Старые мастера». Страница со статьей была передана нам через друзей в Израиль (где мы живем последние 12 лет). Статья вызвала слезы благодарности и у нас, и у всех родственников, что, впрочем, не удивительно – ведь со дня смерти отца прошло 34 (!) года. И хотя вполне понятно, что в этом году Горному институту исполняется 50 лет, что рубрика «Старые мастера» посвящена людям, стоявшим у истоков, что Вы сами – человек, по-видимому, молодой и не были знакомы с Д.Л. Гарбузом, а информацию собирали у «стариков» – все равно хочется сказать Вам, господин Ковалев, тысячу раз «Спасибо». Спасибо за память, спасибо за добрые слова, спасибо за статью!

Воскобойникова Мария Матвеевна и Гарбуз Таня

АССИРИЕЦ ИЗ ОМСКА. ДАВИД ЗАЕВИЧ ДАНИЕЛЬ

Осенью 2007 года его часто можно было встретить в Кузбасском государственном техническом университете – немолодой мужчина южной внешности, с благородной посадкой седой головы, подтянутый, в неизменно белой рубашке с галстуком из-под темно-синего эlegantного пальто или дубленки цвета горького шоколада – в зависимости от погоды.

Женщинам всегда было приятно и отчасти волнительно встретить его взгляд – теплый, с мерцанием изнутри, а мужчины старались расправить плечи и втянуть животы. Физические данные заведующего лабораторией кафедры маркшейдерского дела Давида Заевича Даниеля, вступающего во владение своими 72 годами, были настолько велики, что им, вольно или невольно, хотелось соответствовать.

Вместе с блестящей ученостью В.В. Першина и А.А. Байченко, организованностью И.Ф. Бычкова и Е.А. Бобра, обаянием Д.Л. Гарбуза, интеллигентностью В.К. Минятова, спортивностью Л.Л. Моисеева и Э.Г. Брутана, человечностью К.Г. Харченко мужская харизматичность Давида Заевича стала частью идеала преподавателя технического университета.

Отец и мать Давида, Зая и Зария, в начале прошлого века проживали в горной части северного Ирана, входившей некогда в состав могущественного Ассирийского царства. В 1912 году, спасаясь от резни, устроенной турками, они бежали в Россию и здесь после долгих, но естественных мытарств, обрели свою вторую Родину – город Омск в Западной Сибири. К середине 30-х годов Даниели повсюду обустроивались в сибирских «Палестинах», осваивая специфику милосердной советской власти, предоставившей им просторный дом из восьми комнат и большой земельный участок.

Скитания по российским просторам не заглушили в Зае и Зарие заботы о продолжении рода и закреплении его на новых местах. Один за другим рождались дети, всего 15 – восемь девочек и семь мальчиков. Одним из них был мой герой, родившийся 6 октября 1935 года и названный родителями «Дэви», что в переводе с ассирийского означало «золотой».

В военные годы Даниели спаслись огромным огородом, стайками с живностью, двенадцатичасовым сидением отга в деревянной будке на городской площади (он работал чистильщиком сапог). Помогали и добрые люди. Продовольственных карточек семье эмигрантов не полагалось. Но Дэви с братом Исой и сестренкой Валею приходили к самому закрытию магазина со скособоченным крыльцом. Продавец Аня, отоварив людей по «заборным» книжкам, разрешала ребятишкам, необычайной для здешних мест внешности, собрать крошки из-под стола, на котором стояла хлебoreзка. Получалось каждый раз что-то около двух килограммов крошек, которые ребятишки тащили матери, не раз залезая в пакет руками. Зария разводила крошки теплой водой и выпекала хлеб.

После войны возникло желание вернуться на историческую Родину, но

именно по причине своей многочисленности семейство Заи и Зари, так и не решилось тронуться с места. Более того, Даниелей на короткое время стало на одного человека больше: из Ирана приехал отец дед, проживший немного с родными людьми и умерший уже в 135-летнем возрасте.

В 1947 году семья приняла советское гражданство со всеми вытекающими последствиями. Юношей и девушек Даниелей стали брать на работу, появились какие-то деньги, а главное – возможность устроить свои личные жизни.

Судьба Давида решилась в школе, классе восьмом: удаленный с урока за «живость характера», он бесцельно слонялся по городу, пока не набрел на часовую мастерскую. Вошел в нее и увидел мастера с пинцетом в руке над часами с откинутой крышкой. А там! Все там чудесным образом двигалось, перемещалось, искрило, манило к себе. Вскоре мальчишку турнули из мастерской, но выбор его состоялся. После окончания школы он поступил в ученики к старому часовщику – еврею Цукерману, «дяде Сене» и за шесть месяцев, вместо двенадцати положенных, поставил себе руку в ремесле, кормившем его хлебом с маслом всю жизнь.

А еще он мечтал о военной службе. На демонстрациях 7 Ноября и 9 Мая он во все глаза смотрел на конную милицию. Цокот копыт по мостовой, ладные фигуры милиционеров в синей форме, бравурная музыка – все это наполняло юношескую душу чудесным чувством.

Повестку в армию ему принесли в день рождения, и Давид не мог верить в свое счастье. Провожали его по традиции тех лет всей улицей – родные, друзья, соседи. Шли медленно, как с церковной службы в старые времена, о чем-то тепло переговаривались, давали «рекруту» последние наставления. Давид же не выдержал – пренебрегая увещеваниями матери, далеко обогнал всех и первым прибежал на призывной участок.

Армия не обманула ожиданий. Строительный батальон, этот «инфант террибле» Советских Вооруженных Сил, встретил Даниеля как родного сына. Шло строительство противоракетной обороны вокруг Москвы, и юный ассириец, выучившись на крановщика, принял посильное участие в этом нелегком деле. Сердце его новой Родины было надежно укрыто сооружениями, начиненными спецтехникой, известной по западной печати, как «Сатаны» и «Стилеты».

Тяжелая солдатская работа не мешала Давиду дышать полной грудью, радоваться и срывать цветы жизни. В увольнениях и самоволках мужал талант непревзойденного покорителя девичьих сердец.

После армии, поработав фотоградуировщиком на заводе, Даниель делает окончательный выбор в пользу профессии часовщика. Ремесло это считалось денежным. Давид стал помогать своим родителям, да и сам «прифасовался» – купил бурки, «москвичку» и головной убор типа бекеша – наподобие той, что носил, задавая моду всей стране, тогдашний Первый Секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев.

В 1965 году на танцевальном вечере в Доме офицеров Давид познакомился с красавицей Мариной Сычевой, женился на ней, но, не встретив по-

нимания со стороны отца, ревнителя традиции – брак только между своими, уехал с Мариной к ее матери в Кемерово.

Жить первое время пришлось в тесноте однокомнатной квартиры. Однако молодые не роптали на судьбу, тем более, что она 6 октября 1966 года одарила их сыном Давидом. На имени настояла Марина: «Теперь, если что и случится, один из Давидов останется со мной».

Время же шло вперед. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем составлялись в годы, которые тоже не стояли на месте. Давид стал известным часовщиком областного центра, устойчиво прибавил к своему имени отчество «Заевич».

С 1975 по 1977 год он работал на учебно-производственном комбинате, готовил часовых дел мастеров.

В Кузбасском политехническом Давид оказался с легкой руки своего хорошего знакомого по Омску Л. Азарха, тогдашнего начальника мехмастерской института. Л. Азарх рекомендовал земляка А.Д. Трубчанинову – зав. кафедрой маркшейдерского дела. 14 февраля 1977 года Даниель приказом № 51 ректора КузПИ В.Г. Кожевина зачисляется в штаты маркшейдеров на соответствующую должность.

Почти тридцать лет, минувшие с той поры, конечно же, все высветили, все расставили по своим местам.

Давид Заевич стал брендом кафедры маркшейдерского дела. Речь идет не только о его профессиональных качествах – они общеизвестны, Даниель далеко «вышел» за пределы одного, пусть и важного подразделения Кузбасского технического университета. Он привнес в жизнь и историю политеховского сообщества яркие и сочные краски.

Так, широко известны артефакты прикладного художественного творчества Давида Заевича: посуда и мебель из ивы, церкви, храмы, знаковые сооружения, в том числе школы постмодерна. Среди последних – макет Токийской телевизионной башни из обыкновенных спичек.

Он напоминает межзвездный корабль. Ажурность, даже невесомость конструкции, отражает художественно-эстетические ценности древнего народа. В похожести на звездолет из дальних миров застыл горький опыт судьбы ссмы автора, вынужденной бежать со своей исторической Родины и долго скитаться в поисках лучшей доли. А безупречность внешних форм и точное соотношение частей «звездолета» – отражение личной инженерной практики Даниеля.

Большим ценителем даниелевских «игрушек» был ректор М.С. Сафохин. Так, после поездки в Японию он передал Давиду Заевичу проспект с детальным изображением токийского чуда. А когда обнаружилась нужда в большом количестве спичек, отправил мастера в Омск на фабрику, откуда тот привез 24 килограмма строительного материала.

По завершении же работы Сафохин попросил макет себе в кабинет: «Пусть постоит, порадует глаз». Но, рассказывал Давид Заевич, звонит через два дня: «Давид Заевич, забирайте назад свое сокровище!» Прихожу к нему в кабинет в некотором недоумении, а Михаил Самсонович смеется: «Вся рабо-

та идет насмарку. Придет ко мне Пога (проректор по заочному), смотрит только на макет! Придет Батугин (проректор по учебной работе), тоже – только на макет!»

Даниэль еще собрал совершенно замечательную коллекцию спиртных напитков. В середине 90-х годов прошлого века она насчитывала 847 бутылок, одна к одной.

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЕВСТИФЕЕВ И ЕГО КЛАУЗУРЫ

*В начертательной геометрии
главное – твердая линия.
К. Прутков*

Заметной фигурой институтского социума 50–60-х годов прошлого века был Анатолий Владимирович Евстифеев. Это имя часто повторяется как в сборнике воспоминаний выпускников (Кемерово, 1995), так и в книге «Страницы истории КузГТУ» (Кемерово, 2000).

Он родился 4 мая 1908 года в Алтайском крае. Родители его были мещане, ставшие советскими служащими. Отец долгое время заведовал почтовыми отделениями в сибирской глубинке, а мать после его смерти от тифа в 1924 году работала секретарем-делопроизводителем в партийных и советских органах. Известно также о дяде и тете, проживающих в Симферополе, – они были расстреляны немцами за участие в партизанском движении.

С 1928 по 1932 год Евстифеев учился на заочном отделении Сибирского института черных металлов в городе Сталинске (ныне Новокузнецке). Получив специальность инженера-металлурга, несколько лет проработал на Кузнецком металлургическом комбинате.

С этого же времени Анатолий Владимирович устанавливает связи с высшей школой Кузбасса: он – ассистент кафедры теоретической механики Сибирского института, зав. кабинетом начертательной геометрии и графики того же вуза.

В ноябре 1950 года Евстифеева переводят на работу в только что образованный Кемеровский горный институт и 20 марта следующего года его утверждают заведующим кафедрой графики.

Начинать приходилось в трудных условиях: не хватало квалифицированных кадров, наглядных пособий, методических разработок. Учебник Иерусалимского и Гордона, долгое время бывший единственным, страдал слабой проработкой решения технических задач. Первому заведующему кафедрой графики КГИ приходилось полагаться на свой жизненный и профессиональный опыт, интуицию и желание сделать важное и трудное дело.

Начертательной геометрии студенты и сегодня откровенно побаиваются. В те же далекие годы, характерные обостренным, жадным интересом молодежи к учебе, она рождала определенную рефлексию. Студенты утешались мифологией: да, нам трудно, но вот в дореволюционной России студентам было еще труднее – жениться можно было только после сдачи начерталки и сопромата!

50-е – начало 60-х – это «эпоха» Евстифеева в преподавании начертательной геометрии. Коронная фраза Евстифеева тех лет: «Господь Бог знает начертательную геометрию на «отлично», я (скромно потупившись) – на «хорошо», всякий уважающий себя студент – на «удовлетворительно», а Н – гут он называл имя совсем юного преподавателя со своей кафедры – на

«двойку!»

Аудитории студентов буквально немели перед человеком среднего роста, в очках, с седой шевелюрой. Студенты ловили каждое его слово, фиксировали каждое его движение у доски. Евстифеев читал лекции, в которых отточено и выверено каждое предложение, виртуозно манипулировал цветными мелками, большим транспортиром и веревочкой, рисуя круги. Чертежи очень сложные, но лектор сложности раскладывал на составляющие части, делал их понятными и доступными.

Анатолий Владимирович в эти годы работал каторжно много, не щадил себя в преподавании, выходя часто и за рамки официального расписания.

Так, широкую известность получили консультации у Евстифеева во время лыжных прогулок в бору. Сам он шел по лыжне, а сзади него, чуть поотстав, по целине раскрасневшиеся от ходьбы двигались студенты. Время от времени Евстифеев останавливался, рисовал палкой по снегу чертеж, предлагая одному из студентов решить графическую задачу – свои знаменитые КЛАЗУРЫ. Внимательно выслушивал объяснения и в случае затруднений консультировал по всем аспектам возникшей проблемы. Прогулки длились несколько часов и заканчивались тем, что преподаватель извинялся за невозможность продолжать занятия таким образом и назначал встречу на следующее воскресенье.

Анатолия Владимировича, при всей его строгости в преподавании, не назывेशь человеком в футляре, таким бездушным манекеном, поставленным государством у доски с транспортиром в студенческой аудитории.

Чертежи, принесенные на проверку, Анатолий Владимирович не глядя частенько сворачивал наподобие подзорной трубы адмирала Нельсона. Но если последний, глядя незрячим глазом на вражеские корабли, действительно ничего не видел, наш Нельсон видел все и говорил: «Такой ерунды я и не припомню!» Студент, проведенный в бдениях над чертежом не одну бессонную ночь, вскипал молодой бражкой: «Да я!» Чертеж разворачивали. И что же? В самом деле оказывалось – такую ерунду припомнить трудно!

Анатолий Владимирович находился в особых отношениях с зачетом – венцом всей семестровой работы со студентами. Поначалу был очень строг, применял тактику «выжженной земли», «ковровых бомбометаний», как американцы во вьетнамской войне, т. е. ставил всему курсу двойки. Лишь несколько студентов после зачета бродили «среди руин» с тройками, максимум четверками в зачетках, не смея поверить своему счастью. Партийный комитет пытался ввести радикализм зав. кафедрой в разумное русло, но Евстифеев стоял на своем.

Но постепенно «лютость» сменяется иными, более либеральными формами. Г.В. Корницкий, выпускник 1955 г., вспоминает такое. Однажды во время зачета Евстифеев послал ребят ... принести из бора свежей земли для множества цветов на кафедре и тут же выставил всем зачеты.

Седых волос Евстифееву прибавила хрущевская «оттепель». Когда вузовская молодежь бросилась кто куда: юноши – к брючкам-дудочкам, девушки – к коротким юбкам – он объявил последним войну. Но так как админист-

ративные методы становились в обществе непопулярными, теряли былую силу и привлекательность, пришлось прибегнуть к формам борьбы, внешне замаскированным под новые «методические» разработки.

Весной 1958 года зачет по начертательной геометрии переместился в вестибюль первого корпуса к главной лестнице. Здесь у ее подножия устраивались любительницы коротких юбок, которые должны были по команде Анатолия Владимировича срываться с мест, стремглав, что есть сил, бежать наверх, до четвертого этажа. Опередившая всех, получала зачет, остальные «назначались» на забег следующего дня. Привлеченные необычным зрелищем и, далеко не в последнюю очередь, оголенными коленками вузовских красавиц, собирались зрители, болевшие за своих.

Все шло хорошо до той поры, пока одна из студенток, отчаявшись сдать зачет «по правилам», не догадалась поднять до бедра юбку и, оставив далеко позади своих менее догадливых соперниц, птицей взлетела наверх. Формально требований Евстифеева это не нарушало и он вынужден был, скрепя сердце, «зачет» в зачетную книжку выставить.

Начинается, говоря литературным языком, «кризис жанра», усугубленный еще и вмешательством «ревнителей благочестия» из партийного комитета. Забеги по лестнице приказали долго жить, сохранившись, однако, в памяти выпускников, а значит, в вечности.

В августе 1970 года Евстифеев вышел на пенсию. Остаток жизни рыцаря Клаузур прошел в кругу семьи, хлопотах по садовому участку и на рыбалке. Рыбалку Анатолий Владимирович обожал. Наверное, не меньше своей начертательной геометрии.

**ГРАФ.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ МИНЯТОВ**

*Слишком ранний он Предтеча,
Слишком медленной весны.
Д. Мережковский*

Виктор Константинович родился в 1896 г. в Казани, в семье потомственного дворянина с графским титулом Константина Александровича Минятова. Константин Александрович был человеком строгих правил и твердого порядка, что, впрочем, уравнивалось мягкостью матери, Надежды Павловны, тоже дворянки.

В 1905 году Минятовы переезжают в Москву, где отец заканчивает университет и получает адвокатскую практику (помощник присяжного поверенного).

С 1906 по 1913 год Виктор учится в реальном училище. Очевидно, именно здесь закладываются основы его будущей фундаментальной образованности. Подросток, юноша Минятов легко усваивает все науки как точные, так и гуманитарные. Необычайно повезло с гувернантками: мадам Воланж говорит с ним на французском по понедельникам и вторникам, мисс Парр – на английском по средам и четвергам, а по пятницам в немецком практикует Фрау Фельде.

В годы первой мировой войны до лета 17-го Виктор – студент Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения. Известно также, что в 1916 году он выезжал за границу, в Англию и Францию «с общеобразовательными целями» (так в автобиографии – А. К.).

Затем Минятовых срывает с места и несет по стране бурный водоворот революционных событий. Они оказываются сначала в Тюмени, потом в Томске. Сам Виктор мобилизуется в армию Колчака рядовым. Повоевав у Верховного несколько месяцев, померзнув и поголодав в сибирской тайге, присмотревшись к действительности, он переходит на сторону красных.

До 1927 года Минятов работает в Томском и Иркутском губстатбюро, а после, до 1939 года – на инженерных должностях по строительной специальности. Географически разнообразны и объекты приложения его молодых сил: Черноморская железная дорога, нефтепровод «Баку-Батум», Абхазский дортранс, Хакассский стройтрест. В эти же годы Виктор Константинович заканчивает Тбилисский политехнический институт по специальности «инженер-строитель».

Выявившееся нездоровье заставило Виктора Константиновича перейти на преподавательскую работу.

Годы Минятова ко времени появления в Кемеровском горном институте (1953 г.) были уже не молодые – 57. Но следы увядания, столь естественные в этом возрасте, в глаза не бросались. Возраст выдавался лишь лысаватой головой с остатками волос по бокам и небольшим животиком.

Все в Минятове обращало на себя внимание: высокий, не менее

1 м 85 см. рост, сократовский лоб, крупная голова, голубые, добрые глаза. Лицо его подсвечивалось изнутри сознанием собственного достоинства. Тот, кто помнит портрет М.М. Сперанского периода работы над кодификацией российского законодательства при Николае Первом, поймет, о чем идет речь.

Благородство внешнего облика сочеталось с обаянием личности, чрезвычайно одаренной духовно и нравственно. Минятов общался с коллегами и студентами демократично, мягко, доброжелательно. Собеседников привлекали его открытость, готовность понять их проблемы, помочь в их разрешении.

Речь Виктора Константиновича выстраивалась просто и изысканно одновременно. Порой в ней возникали различные, впрочем, лишь тонким слухом вкрадчивые интонации.

Его разговоры с коллегой Смельцовым, архитектором по образованию, остальные слушали с раскрытыми ртами. Собеседники, под стать друг другу, были просто великолепны в знании литературных и поэтических первоисточников, цитировали их страницами на память, вспоминали игру великих актеров, тонкости театральной жизни начала XX века.

Виктор Константинович прекрасно читал лекции по сопромату. Минятов входил в аудиторию с неизменно старым потертым кожаным портфелем, несколько секунд смотрел на поднявшихся ему навстречу студентов и говорил: «Здравствуйте! Прошу садиться». Лекции читались ровным, спокойным голосом без обращения к конспектам, «чертежи на доску с раздвижными занавесками ложились изумительные» (из воспоминаний К.Г. Харченко). Лектор ходил по аудитории, разрешал задавать вопросы, не перебивая, отвечал на них подробно. Обращение было только на «Вы».

Студенты, повторим нашу мысль, были ошеломлены сплавом профессионализма и человечности в Викторе Константиновиче. Наверное, именно тогда у них забрезжила мысль, что не так уж, безупречен тезис историков партии о «сплошном кровопийстве дворян в дореволюционной России». Были среди дворян, оказывается, и достойные.

Строгий экзаменатор, Виктор Константинович в то же время по-своему переживал за своих подопечных.

Однажды (свидетель тому Л.Л. Моисеев) он поставил неуд студентке и стал объяснять ей, как тяжело ему лично эту двойку ставить. У него даже слезы навернулись на глаза. А у студентки – градом посыпались, и даже не из-за двойки, а из-за того, что она плохим ответом причинила страдание хорошему человеку. Так, вспоминает Лев Львович, они сидели рядом, оба в слезах. Минятов студентку по голове гладил, но неуд не исправил!

Уроки иностранного в реальном училище, закрепленные Мадам, Мисс и Фрау, очевидно, проросли настолько глубоко, что всю свою сознательную жизнь Виктор Константинович владел французским, английским, немецким. В нем неистребима жила потребность с кем-нибудь поговорить, пообщаться. Ну, а поскольку коллеги по кафедре сопромата были не очень в этом плане, то ноги Минятова вольно или невольно шли на кафедру иностранных языков в главный корпус. Здесь в ту пору подобрался замечательный коллектив «иностранок» во главе с блистательной, элегантной М.Д. Бонелис.

«Mesdames! Charme de vous voir!»¹, – все начиналось с этих слов. Далее после почти обязательной фразы о том, что «La femme a etre initiee, entre deux baisers, aux mysteres de morale et de literature»², начинался кураж. Виктор Константинович легко переходил с одного языка на другой, читал стихи Бодлера, рассказывал анекдоты, обсуждал новости институтской жизни. Конечно, кураж шел не только от упоения родной стихией, но и от присутствия красивых, молодых женщин, волнующей интонации их голосов. Граф был мужчиной галантным, он целовал ручки по всем правилам этикета, не так как его коллеги, таща к себе женскую руку, как стакан с водой, а наклонялся к женской руке, касался пальчиков бережно, не слюнявил губами.

Особый шарм Минятов находил во французском языке, знал его в совершенстве. Однажды, будучи в Москве, в гостях у сына, они с женой на Красной Площади сели не в «тот» автобус. Он тронулся с места и очень скоро Виктор Константинович понял, что едет с французскими туристами, кажется гасконцами. Мгновенно оценив подарок судьбы, Минятов подключился к разговору, наслаждаясь незамутненной французской речью. К концу маршрута он покорила гасконцев своим произношением и комментариями к видам за окном. При расставании туристы задарили Минятовых адресами с приглашениями приехать к ним в гости. Поблагодарив, Виктор Константинович говорит: «Вы тоже приезжайте к нам в гости. Мы живем в Кузбассе, в Сибири». Поскольку все это, – изысканность речи, благородство внешнего облика, учтивость манер, – не совмещалось с представлением французов о Сибири – ГУЛАГ, медведи, водка – то они на некоторое время онемели.

Среди знакомых Виктора Константиновича Минятова были и те, кого он по причине яркости характеров одарял своим вниманием больше остальных.

Юный Константин Харченко, например, расположил к себе Графа книжечейством, за что был осчастливлен «Нивой» за 1914 год и отпотчеван пирожками с вареньем и чаем в маленькой однокомнатной квартире «профессорского» дома на Весенней. Теплые доверительные отношения связывали Виктора Константиновича с коллегой по работе, доцентом Ю.П. Соболевым.

Семейная жизнь В.К. Минятова удалась. Он был женат на славной, доброй женщине, тоже окончившей в свое время реальное училище. В конце 50-х взрослыми были сыновья. Старший, Анатолий, кандидат технических наук, работал в Подмоскowie, в научном институте, а младший, Константин, габаритами в отца, веснушками в мать, преподавал сопромат в Прокопьевском горном техникуме.

В 1962 году Минятов вышел на пенсию, поработав еще некоторое время почасовиком. Точная дата его смерти мне не известна. Знаю только, что случилось это в конце 60-х годов.

Где-то на белом свете живут его внуки и правнуки (хочется на это надеяться). Интересно было бы встретиться и «выследить» в них, в жесте ли, в

¹ Сударыни! Рад видеть Вас (франц.)

² Женщины любят, чтобы между двумя поцелуями их посвящали в тайны истории, морали, литературы (франц.)

слове ли, в блеске мысли, отсвет чудесной звезды Кемеровского горного института – Минятова Виктора Константиновича, графа.

НЕЖНОСТЬ К РЕВУЩЕМУ ЗВЕРЮ. ЛЕВ ЛЬВОВИЧ МОИСЕЕВ

*Впереди у жизни только даль,
Полная надежд людских дорога.
Из песни*

«Из России» Моисеевы пришли вместе с Транссибом в конце позапрошлого (XIX) века. В начале прошлого века они всю жизнь крестьянствовали в Томской губернии, но уже ближе к первой мировой главный прибыток семье шел от кузницы. Деревня стояла на знаменитом Московском тракте, и ехавшие по нему нередко ломались в дороге.

Дед нынешнего Льва Львовича Моисеева, Сашка, сызмальства глядел в мастерового человека. Любил Сашка с огнем и железом повозиться в отцовской кузнице, только что не ночевал в ней. Выхватит, бывало, раскаленную до синя полосу, да и давай ее обрабатывать на наковальне. Сошники и подковы получались у него отменные. Все нравилось юноше в отцовской кузне: низкий, закопченный, как «из сказки», потолок, танец огня и металла, натруженность литых мускулов после тяжелой, но сладкой работы...

Еще одной несовладаемой страстью был Ветерок, молодой конь, жеребец «в яблоках», с точеными ногами, купленный отцом на большом торгу в Томске.

Любил Сашка погорячить коня в быстром ходу, за много километров ходил на Ветерке. Майским Николой до Троицкого в два часа доскакивал на весенние игрища сверстников. Но коня берег, не перегревал в дороге. Потому и были как друзья, человек и конь.

Пройдет сорок лет и Сашкины «склонности» взбурлят апрельским соком в жилах его внука Льва Моисеева.

Он родился 1 февраля 1940 года в селе Алтайском, неподалеку от Горно-Алтайска, столицы одноименной автономной республики.

Отец, Лев Александрович, закончил Томский политехнический по специальности «Гидрогеология», а мама, Мария Павловна – медицинский. Алтайское, собственно, и было местом ее распределения.

После войны (отец успел повоевать и поучаствовать в штурме рейхстага) Моисеевы переезжают в Ленинск-Кузнецкий, где Лев Александрович работает в тресте «Кузбассуголь» гидрогеологом.

В Ленинске-Кузнецком маленький Лева открыл для себя Мир Техники. Однажды отец посадил его на раму велосипеда и повез в баню. Восхищению мальчика, смешанному с легким испугом (глядел на бегущую землю с огромной высоты!), не было предела. В пять с половиной лет Лева сам проехал на велосипеде, правда, под рамой, так как ног до педалей через раму не хватало.

Еще через год в семье появился немецкий велосмотор, на котором ездили на охоту. Он-то и определил, пусть пока бессознательный, выбор пятиклассника Моисеева.

Окончательному решению помогло знакомство с Давидом Львовичем Гарбузом, соседом в Брусчатом поселке Рудничного района Кемерова, куда Моисеевы переехали в 1954 году по месту новой работы отца.

Давид Львович, заведовавший кафедрой горной механики, в только что открывшемся Горном институте, был страстным автолюбителем. Но Гарбуз-водитель на этом поприще безнадежно проигрывал Гарбузу-механику: ремонт «Победы» был для него казнью египетской. И тогда, движимый наитием, выработанным тысячелетним скитанием его народа по свету, он доверил ремонт машины девятикласснику Лева Моисееву. Полыхая, на первых порах, лицом от оказанного доверия, Лева оправдал все надежды ученого, нарезал гайки, менял масла, прикручивал крылья, подкачивал шины...

По совету Гарбуза Лев в 1957 году поступает на горно-электромеханический факультет КГИ.

Начинаются годы напряженных занятий в институте. Лев Львович вспоминает, что «учебный процесс, направляемый твердой рукой декана И.Ф. Бычкова, был очень интенсивным. Приходилось выкладываться на всю катушку. «Гранит науки» грызли по-настоящему. Спать ложились в десять часов вечера, чтобы восстановить силы для нового дня».

Трудолюбие и организованность, способность к мобилизации постепенно приносили свои плоды. В зачетной ведомости пятикурсника Моисеева почти все пятерки. Относительные неудачи (на четверки) случились на истории КПСС (спутал «легальных» марксистов с «отзовистами») и на начертательной геометрии (подзабыл клаузуру № 6, столь любимую преподавателем Анатолием Владимировичем Евстифеевым).

Годы пребывания на студенческой скамье повлияли на отношения с техникой: из фазы просто «Увлечения», окрашенной в романтические тона, они плавно перетекали в фазу «Романа» с самыми серьезными перспективами на дальнейшее развитие.

Яркую страницу биографии составил мотоспорт, занятия которым начались с мотосекции при военной кафедре. Не успел Юрий Ефимович Киселев «объездить» первый «ИЖ-49», как понадобилось еще 5. Явилась компания энтузиастов Николай и Ростислав Масленниковы, Владимир и Виктор Гольцевы, Владимир Проноза, Лева Моисеев. В конце 50-х их имена становятся известными любителям и специалистам мотокроссов, звучат на городских, областных, зональных соревнованиях.

В лидеры выдвигается Моисеев, хозяин 350-ти «кубиков», соединивший в себе дерзость юности и зрелость мастера, великолепный «пилот», умный тактик и упрямый боец. Сильно пригодился Лева опыт «личного механика» Гарбуза: своего «железного коня» он мог разобрать и собрать с закрытыми глазами. Необыкновенная физическая сила давала ему возможность буквально нянчить своего любимца, выдергивать из грязи, ставить на сухое место, переносить через завалы, прижимая к груди...

60-е, первая половина 70-х – вершина спортивной карьеры Л. Моисеева. Он побеждает в состязаниях высокого уровня, в том числе в финале Спартакиады народов России, становится в двадцать лет (!) мастером

спорта Советского Союза, приобретает огромную личную популярность. Высокого роста, спортивного сложения, с короткими, немного взъерошенными волосами, переполненный здоровьем, открытый для общения – именно таким запомнился он нескольким поколениям политеховцев.

Хотя скорость в мотокроссе не была самоцелью, прокатиться с ветерком Лев Львович любил. Однажды, будучи уже преподавателем, он приехал на мотоцикле в Ленинск-Кузнецкий посмотреть, как идут дела у его дипломника. Дела шли хорошо, но студент, решив сэкономить на автобусном билете, попросился в Кемерово с научным руководителем. Лев Львович не возражал. Доехали быстро, минут за сорок. Возле главного корпуса политеха дипломник пришел в себя, сполз с сиденья, и говорит: «Здорово Вы, Лев Львович, на мотоцикле ездите. Я три раза успел просохнуть».

С яркостью таланта спортивного спорила яркость других талантов – научного, педагогического, организаторского.

В 25 лет защитил кандидатскую диссертацию, что само по себе было вызовом сложившимся тогда представлениям о «возрасте» для такого «дерзновения». Восход «сверхновой» звезды горной науки вызвал даже беспокойство у тогдашнего руководства Кузбасского политехнического, но юный кандидат явил и дипломатические способности – дал понять, что его амбиции лежат в иной плоскости, чем власть над вузом.

В 1967 году после смерти Д.Л. Гарбуза по предложению проницательного А.А. Поги, Лев возглавил кафедру горной механики, которой, с небольшим перерывом, руководил до 2001 года.

В 36 лет он защитил докторскую диссертацию, во многом определившую научное направление кафедры – «Оптимизация режимов работы стационарных установок предприятий».

По результатам исследований Л.Л. Моисеевым опубликовано около 200 научных работ; 10 человек под его руководством защитили кандидатские диссертации.

Последний (по времени, естественно) «хит» научной и организаторской деятельности Льва Львовича – открытие (с 1995 г.) специальности «Промышленная теплоэнергетика».

Автор очерка знаком со своим героем с той поры, когда тот (в 1995 г.) принес три страницы очень искреннего текста в сборник воспоминаний к 45-летию института. Редактирование заметок Льва Львовича из его студенческого прошлого положило начало нашему знакомству.

В последующие годы при встречах в коридорах главного корпуса мы обменивались рукопожатием и трехминутно обсуждали текущий политический момент. «Не все спокойно в королевстве Датском», – говорил (примерно) один из нас, а другой соглашался: «Далеко не все спокойно».

Так бы и катиться дальше нашему шапочному знакомству и год, и два, и три, катиться, если бы не «Меркурий». «Меркурий» – это кардиологический санаторий, километрах в 5-6 от Кемерова, по дороге на Журавли.

В начале февраля 2000 года, между семестрами, я подлечивал там свою неожиданную сердечную недостаточность. Атмосфера санатория была что

ни есть мирная, точь-в-точь из романов Агаты Кристи: размеренный распорядок дня, кормление белки с руки, прием лекарств, тихие голоса...

Четвертого февраля, в воскресенье, ближе к вечеру, пациенты и медперсонал пансионата были встревожены сильным шумом на входе. По могучей фигуре я узнал своего старого знакомого. На пороге с огромным рюкзаком в валенках стоял профессор Моисеев с «титаническим», как он объявил собравшимся, «желанием немедленно встать на лыжи и уйти на дистанцию километров в 50, не менее».

На следующий день Лев Львович «отштормил»: ЭКГ показала инфаркт, перенесенный на ногах. Богатыря тут же увезли на обследование в кардиоцентр. Еще через день он был «стабилизирован». Мы стали много гулять на воздухе и под вечерними звездами «Меркурия» он стал вдруг рассказывать о своих учителях-наставниках студенческой поры: Д.Л. Гарбузе, человеку огромной личной харизмы; И.Ф. Бычкове, волевым декане горно-электромеханического факультета; В.К. Минятове, преподавателе «из дворян»...

Так составилась «Список Моисеева» из восьми человек, положивший начало серии историко-художественных очерков «Старые мастера». Они были подготовлены мной в течение 2001–2006 годов, опубликованы в газете «За инженерные кадры», и получили теплый прием у читателя.

Последние 20 лет профессор кафедры стационарных машин живет под знаком Илиндеевки, небольшого таежного поселения в полутора километрах от нынешних Тебеньков. Наверное, он счастлив здесь со своими рычащими «железяками» – тракторами и снегоходами. Лев Львович часто уезжает на них в тайгу, к родникам с хрустальной водой и распадкам редкой красоты, набирая сил для жизни в городской цивилизации.

ИВАН ЕФИМОВИЧ ОБЛОМСКИЙ

*В рыбалку безумно влюбленный,
От этого чуточку пьян.
Душою своей окрыленный
Он с нами, Обломский Иван!*

Неизв. автор

Обломский Иван Ефимович – это толстовский капитан Тушин Кемеровского горного института 50–60-х годов прошлого века, один из тех крепких профессионалов-практиков, благодаря которым и обеспечивалось высокое качество подготовки специалистов.

Он родился в июне 1906 года в местечке Новые Санжары Полтавской губернии. Отец его, фельдшер, трагически погиб зимой 1909 года. Мать, учительница, после смерти мужа, тоже стала фельдшером.

Иван Ефимович родился и рос в бедной семье, постоянно терпящей большие недостатки. Так, уже в четыре года Ваня зарабатывал себе на хлеб – целыми днями пас гусей.

Первым «университетом» нашего героя стала церковно-приходская школа, затем – «семилетка», по окончании которой он приезжает в Полтаву. Здесь Иван слесарит на машиностроительном заводе, учится на рабфаке, готовится к поступлению в авиационный институт. Мечте о небе, по каким-то причинам не суждено было сбыться. Впрочем, судьба «отдарила» Обломского встречей с черноглазой, статной дивчиной Анной, ставшей ему верной женой.

В жизни же Анны до ее знакомства с Иваном Обломским был эпизод, представляющий историческую ценность. Она нянчила дочь сестры Троцкого, одного из вождей Октябрьской революции. Семья сестры Льва Давидовича жила в Полтаве и нуждалась в прилежной няньке для своей хроменькой дочери. Анна Григорьевна Обломская сохранила воспоминание о полтавских Троцких как об исключительно хороших, порядочных людях.

С мая 1930 года по сентябрь 1935 года Обломский учился в Московском горном институте. Он был упорен и настойчив в учебе, задавал много вопросов преподавателям и ходил в любимчиках у столичного светила горных наук профессора Шешко. Будучи студентом, подрабатывал, где мог, даже осветителем в Большом театре, знал всех артистов, но однажды, уставший, заснул, не дал вовремя свет «Борису Годунову», за что и был изгнан с должности.

После окончания МГИ в 1935 году Обломский едет по направлению в Кузбасс. Здесь, в Прокопьевске, вплоть до 1950 года он работает на различных должностях: механик участка, начальник подземного транспорта, зам. главного механика шахты, главный механик шахты, главный механик треста. Тяжкими выдались годы военного лихолетья. И.Е. Обломский вместе с другими подставил крепкое горняцкое плечо под помощь фронту. Главные награды Ивана Ефимовича – за ударный труд: орден «Знак Почета» (1942 г.) и

медадь «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.).

Помимо каторжной на износ работы, без счета времени, нужно было содержать большую семью. Одно время после приезда полтавских родственников на содержании у Ивана Ефимовича находились 11 человек! Сильно выручали, конечно, двадцать соток, засаживаемые картошкой и свеклой, употребляемой вместо сахара.

С 1952 года после учебы в Академии угольной промышленности, начинается выдвижение Обломского на командные должности: он – начальник шахты «Тырганские уклоны» комбината «Кузбассуголь», начальник угольного треста «Прокопьевскуголь», начальник шахты «Зиминка» треста «Прокопьевскуголь».

Выявившиеся, однако, вскоре проблемы со здоровьем – сердечная недостаточность – делают карьерный рост Обломского по линии начальствующих должностей невозможным. Он принимает предложение о переходе на преподавательскую работу в Кемеровский горный институт.

В приказе по институту об этом сказано так: «Избранного по конкурсу инженера И.Е. Обломского с 22 октября 1954 года зачислить в порядке перевода доцентом кафедры горной механики с окладом 2000 рублей в месяц».

Итак, с 22 октября 1954 г. начинается научная и преподавательская деятельность И.Е. Обломского в Кемеровском горном институте. Продолжалась она до 1 сентября 1974 года до ухода на пенсию.

Иван Ефимович был чуть ниже среднего роста, сильный в кости, жилистый, держался прямо. Лицо имел круглое, подбородок мягкий, с небольшой ямочкой с левой стороны, нос прямой, аккуратный, соразмерный величине лица. Совершенно замечательными были глаза – умные, карего цвета, излучающие теплую душевную энергию расположения к окружающим людям, впрочем, они могли быть и жесткими, и строгими. Наконец они были просто красивы в полукружье черных бровей.

Время показало, что в лице И.Е. Обломского Кемеровский горный институт приобрел отличного преподавателя, одного из тех, кто обеспечивал высокое качество учебного процесса в 50–60-е годы. Для лекций Ивана Ефимовича был характерен вдумчивый, обстоятельный, даже дотошливый анализ проблем горной электротехники. Лабораторные работы Обломского со студентами «отличались высокой практической направленностью» (из воспоминаний Л.Л. Моисеева). Сильный практик, он, очевидно, полагал, что ответственность за итоговую оценку своим обучаемым несет все-таки преподаватель, поэтому неудовлетворительных оценок горнякам не ставил. Студенты говорили между собой: «Господь Бог не помнит, чтобы он поставил двойку».

Иван Ефимович занимался научной деятельностью, имел публикации в журналах. Обозначились перспективы и на защиту кандидатской диссертации. Так, проучившись два года в Академии угольной промышленности (1950–1952 гг.), он подготовил такую работу, которая как это указывается в протоколе аттестационной комиссии, «при небольшой доработке может быть представлена как кандидатская диссертация» (из личного дела И.Е. Облом-

ского). Была и годовичная аспирантура при Московском горном институте в 1956–1957 годы. Защита кандидатской диссертации, однако, не состоялась. И об этом приходится сожалеть, так как Обломский был инженером милостью божьей. Его гараж на Весенней под завязку был набит железяками и запчастями. Он мастерил прицелы к охотничьим ружьям, собирал радиоприемники, занимался фотографией. По воспоминаниям Елены Ивановны, дочери Обломского, «в гараже лежали даже заготовки для вертолета». Видно, мечта о небе так и не отпустила украинского хлопца.

На первом же месте среди своих увлечений стоял автомобиль. Еще в Прокопьевске к Ивану Ефимовичу попала трофейная «Татра». Он над ней долго колдовал, прежде чем она, смешная и красивая, бойко побежала по дорогам.

Однажды, возвращаясь с рыбалки, Обломский был остановлен гаишниками, попросившими предъявить документы на машину. – «Да кто же мне даст документы на такую?» – простодушно удивился начальник «Зиминки». Гаишники посоветовались и, согласившись с тем, что «... на такую, действительно, никто не даст», отпустили Ивана Ефимовича с миром.

В 1952 году он пересел на «Победу», любовно именуемую «Антилопой-Гну». Именно на ней с прицепом для лодки в компании с такими же страстными любителями активного отдыха, Обломский выезжал на свои же знаменитые рыбалки и охоты. Особый размах они получили в середине 60-х годов.

Рыбачили субботу и воскресенье, но уже с понедельника после обеда в кабинете у ректора собирались, естественно, сам Петр Иванович Кокорин, его зам. по снабжению Александр Федорович Озеров и, конечно же, Иван Ефимович Обломский. Они горячо обсуждали итоги рыбалки, вспоминали любимые эпизоды, подначивали друг друга. А с четверга начиналась усиленная подготовка к очередной поездке – приводились в порядок сети, закупались припасы, уточнялись предстоящие маршруты.

Под говор костерка, вокруг котелка с ароматной ухой, рядом с И.Е. Обломским, человеком открытой души и искреннего сердца, многие в институте набирались душевного здоровья и просветления в мыслях.

Обломский стал коммунистом в 1937 году и оставался им всю жизнь. Он жил с ощущением крайней важности правды и социальной справедливости, сам был рыцарем этих принципов, защищал их в партийной работе. Отстаивая свое видение правды, он часто спорил с Д.Л. Гарбузом и М.С. Сафониным. Идеалы советской эпохи не были для него просто абстракциями партийной доктрины. Своих дочерей – Нинель и Татьяну – он назвал в честь символов великого времени – В.И. Ленина и Зои (Татьяны) Космодемьянской.

После выхода на пенсию Иван Ефимович пожил еще 9 лет и умер 10 сентября 1983 года. Упокоен он на новом кладбище под сенью березки. Свет же его жизни, простой и благородной, отражен в судьбах тех, кто с ним соприкасался, учась у него или работая вместе с ним. Это Л.Л. Моисеев, В.Г. Каширских, Г.И. Разгильдеев, М.П. Латышев, Е.А. Бессонов, П.Д. Гаврилов.

ПРОФЕССОР, ПОЭТЕССА, ЖЕНЩИНА. НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ОСОКИНА

*Выражает себя и словами
И отточенным блеском ума,
И осанкой, ногами, словами
Что вполне понимает сама.
И поддержана внутренней верой
В этой брошке и ниточке бус
Проявляются полной мерой
Такт, изящество, тонкость и вкус.*

К. Ваничкин

Они понравились друг другу с первой встречи, с первого взгляда – выпускница одной из школ областного центра тоненькая Наташа Осокина и еще более юный Кемеровский горный институт, синеглазый юноша тинейджер. В июне 1964 г., поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж красивого здания – Весенняя, 28 – недавняя школьница так разволновалась, что запнулась, потеряв на мгновение равновесие. Сорок два года, прошедшие с того времени, в принципе ничего не изменили: профессор, доктор экономических наук Н.В. Осокина и Кузбасский государственный технический университет, солидный мужчина в дубленке, норковой шапке, с лицом Дольфа Лундгрена и сегодня – «в романе». Платят друг другу теплыми чувствами, вниманием и заботой.

Героиня моего очерка родилась 8 сентября 1946 г. в городе Прокопьевске. Ее отец, Осокин Виктор Михайлович, «рыбинец» по корням, после окончания ленинградского института, инженер-строитель, приехал в Сибирь «за романтикой».

Мама, Вера Павловна, урожденная Козловская, родилась в Томске, училась в строительном техникуме.

Поэтому строительство (шире – созидание) как жизненный принцип усваивалось с детских лет, проистекая из примера родителей. А еще культурная атмосфера в семье: много книг, коллективное чтение «Дон-Кихота», «Детей Капитана Гранта»... Формировалось художественное восприятие мира, любовь к литературе вообще и к поэзии, в частности. Многое в этом плане осталось от деда по материнской линии. Петр Егорович Козловский, пассионарий, в свое время зажигал по полной программе – член ВКП(б) с 1915 г., активный участник кооперативного движения, громил белогвардейщину в частях особого назначения и с энтузиазмом играл на сцене Кемеровского дворца Труда.

После Прокопьевска Осокины переезжают в Ленинск-Кузнецкий, потом в город Березовский, затем в Анжеро-Судженск – по месту новых назначений отца. Жизнь в городах с мощным биением угольных сердец, вольно или невольно помогла маленькой Нагаше выделить людей шахтерского труда, проникнуться к ним симпатией и уважением.

В 1956-ом семья перебирается в Кемерово. Моя героиня учится в школе, заканчивает ее и по совету старшей сестры поступает на шахтостроительный факультет по специальности «Экономика и организация угольной промышленности». На вступительных экзаменах по математике она вряд ли запомнила интеллигентного молодого человека с вежливой улыбкой – Михаила Курчина, выпускника Томского госуниверситета, год назад по распределению приехавшего с семьей в КГИ. До их новой судьбоносной встречи, как в сказке, было еще тридцать лет и три года.

Студенчество стало временем напряженных поисков собственной идентичности. Представление о студентке Осокиной можно составить из воспоминаний в книге «Годы и судьбы» (Кемерово, 2005). Она предстает кипучей, деятельной личностью, непрерывно занятой «открытием мира». Учит-ся не на страх, а на совесть, без стона на губах конспектирует три тома «Капитала». В четыре руки с подругой Раисой Прониной играет вальс Хачатуряна (в формате художественной самодеятельности), поет в вокальном ансамбле ШСФ, начинает писать стихи. Занимается в научном кружке первого в Кемеровском горном институте доктора экономических наук В.Э. Попова, прививавшего студентам интерес к развитию производительных сил Сибири.

Два месяца практикует под землей, дежурит в шахтерской робе и кирзачах, делая замеры воздуха на вентиляционном участке. И видит в этом романтику: «Шахтные поля Прокопьевска по-своему красивы. Особенно необычно было ночью на поверхности, когда звезды, далеко внизу горят электрические огни, и на несколько километров вокруг – ни души» [Годы и судьбы, с. 64].

Отдых тоже предпочитает деятельный, например, пятидневный пеший переход через горные перевалы Северного Кавказа. Нет, конечно, ей не приходилось нести тяжелый рюкзак – догадаться, почему.

Способную студентку замечает руководство ИЭФ – ей предлагают остаться преподавателем на кафедре политической экономии, которой в ту пору заведовал А.А. Дмитриев. Под его попечением недавняя пятикурсница прошла «курс молодого бойца»: Алексей Андреевич вел семинары начинающих преподавателей, учил методике проведения занятий, тонкому искусству общения со студенческой группой. У него, человека с громадным жизненным опытом, фронтовика, пропагандиста, хорошего лектора, было чему поучиться. В юную преподавательницу политической экономии влюбляются будущие главные механики Кузбасских шахт. Но поздно – еще на пятом курсе института она вышла замуж за Геннадия, представителя известной угольной фамилии, которая между прочим, совпадает с ее собственной – вскоре главного инженера шахты «Южная», а впоследствии – директора шахты «Ягуновская».

Годовой отпуск в связи с рождением сына позволяет задуматься над дальнейшей жизнью: быть ли одной из «первых леди» в шахтном поселке, уйдя из вуза, или дальше идти преподавательской стезей, а для этого – покинуть родной город и семью, и учиться дальше. Наташа выбрала второе. В октябре 1973 г., вверив трехлетнего сынишку добрым заботам родителей, она

уезжает в аспирантуру Ленинградского госуниверситета.

Город, восклицательный знак России императорской и советской, был кровно близок кемеровчанке – здесь умер в блокаду ее дедушка по линии отца, Осокин Михаил Алексеевич. Началось кропотливое освоение премудростей экономической науки, да еще приходилось выкраивать время на занятия со студентами, лекции и беседы в рабочих коллективах: умели в ЛГУ задействовать фактор соискателей ученых степеней. Ощущался дефицит базового образования. В гранит науки поэтому приходилось вгрызаться едва ли не в буквальном смысле этого слова. Часть сил, правда, возвращало культурное пространство Ленинграда, экс-Петербурга. Восхищаясь, душа жадно наполнялась токами бесчисленного числа мировых шедевров архитектуры, музеев, театров...

На культурных и цивилизационных квасах Северной Пальмиры возшли многие таланты нынешней Натальи Викторовны.

В 1977 г., защитив кандидатскую диссертацию, она с головой окунается в стихию крупнейшего инженерного вуза Кузбасса. Политех обретается ею как альфа и омега бытия, как религия и истина в последней инстанции. Хрупкая, женственная, она была тверда, если дело касалось принципиальных вопросов. Была у нее чисто мужская страсть – она увлекалась футболом. Ее единственной футбольной любовью был бесковский московский «Спартак» 80-х: Черенков, Хидиятуллин, Романцев...

Вкусив однажды сладостных плодов науки, она и дальше шла по ее каменистым тропам. Проблемы экономической теории, сложные, неоднозначные требовали интеллектуального напряжения и даже духовной медитации. В 1993 г. Н.В. Осокина защищает докторскую диссертацию, посвященную развитию производственной активности в условиях трансформации российской экономики в рыночную. В конце 90-х годов ее главным научным интересом становится глобализация экономики. В настоящее время на счету Н.В. Осокиной около 100 публикаций в кузбасской и российской печати, в том числе – пять монографий, 3 учебных пособия.

В ноябре 1993 г. Наталья Викторовна принимает заведование кафедрой экономической теории ИЭФ. Опыт управления людьми пришел далеко не сразу. Хотя она сама считает, что «с коллегами ей просто повезло. Фактически с каждым можно идти в разведку» (Годы и судьбы, с. 76). Она – признанный лидер коллектива, авторитетный ученый и преподаватель, человек ярко выраженных общественных позиций, внимательный и чуткий товарищ. Пять преподавателей из восьми членов коллектива кафедры при ней получили ученые степени и звания, стали кандидатами и докторами наук, причем четыре – под ее непосредственным руководством. На кафедре ежегодно издается сборник научных статей «Глобальные и локальные проблемы российской экономики».

В личной жизни Натальи Викторовны Осокиной было много перемен. Менял и имена ее родной вуз. Но верность ему, своему единственному избраннику, она сохранила на всю жизнь.

А еще Наталья Викторовна сохранила молодость души и романтизм

светлых юношеских лет. Профессор кафедры экономической теории Кузбасского технического университета пишет прекрасные стихи, в которых доверяет нам свои сокровенные мысли и чувства. Стихотворение «Коллегам» (в сокращении) из сборника «Я помню чашу чудную любви» (Кемерово, 1997) предлагается нашим читателям:

Политех, судьба моя решенная!
Не порвать неведомую нить
Как семью, от предков обретенную,
Мне тебя не выбрать, не сменить.

Над твоим двором за аркой каменной
Золотистой осени венец.
В нем на век как в электронной памяти
Тысячи студенческих сердец

Вот идут по лестнице лавиною
Плечи хрупки, взгляды как костер.
В будущее, нам необозримое,
Устремлен бестрепетный их взор.

Мы глядим им вслед с надеждой тайною
В круговерти пламени и тьмы
Пусть поможет путь им выбрать правильный
Факел, что с собою дали мы.

Политех, обитель наша кровная!
Бесконечно жить тебе и жить.
Словно край, что кличут малой родиной,
Мне тебя не выбрать, не сменить.

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРОСКУРИН – НАВЕЧНО В СПИСКАХ КузГТУ

Василий Владимирович Проскурин родился 24 февраля 1912 года в селе Нярки Калининского района Алтайского края в семье фельдшера. По некоторым сведениям он был единственным ребенком, рано лишился матери и воспитывался отцом.

С 16 до 22 лет Василий добывал кусок хлеба работой по найму в различных организациях, в том числе на шахтах Кузбасса – коногоном, откатчиком вагонеток, горнорабочим. В 1934 году по комсомольской путевке поступил на горный факультет Томского индустриального института.

Целеустремленность и трудолюбие в студенческие годы, исследовательские способности уже в скором времени принесли свои плоды. Проскурин был замечен известным специалистом горного дела профессором Д.А. Стрельниковым и после получения диплома с отличием, в апреле 1940 года стал ассистентом кафедры разработки пластовых месторождений.

Работу в высшей школе прервала война. Проскурин воевал в составе 380-й стрелковой дивизии, пройдя путь от рядового до полкового инженера. К концу войны на широкой груди капитана-сапера уложился «иконосгас» из пяти боевых орденов: Отечественной войны I и II степеней, двух орденов Красного Знамени и ордена Красной Звезды. Побывал сибиряк Проскурин и в логове поверженного зверя, расписавшись на Рейхстаге.

Тяжкой воинской работы на долю Проскурина выпало сверх меры. Приходилось разминировать поля под шквальным огнем противника, наводить переправы, где ад – на расстоянии вытянутой руки... Однако – ни одного ранения, ни одной царапины. Очевидно, что кроме простого везения, спасли аналитический подход и интуиция. «Однажды, – рассказывал Василий Владимирович своему ученику, ныне профессору В.А. Колмакову, – полковые саперы обезвредили 2000 мин без потерь в людях. Мне бы радоваться, я же не ем, не сплю, мысль моя, как норовистый конь, упрямо заворачивает в сторону бесспорной печальной истины: за 300 ликвидированных мин армия платит жизнью одного солдата. Я не выдержал, подошел к командиру, чтобы тот распорядился насчет бдительности в работе. Но тот только отмахнулся. На следующий день погибли пять человек».

После демобилизации в 1946 году Проскурин возвратился в Томск к любимому делу. Сменив своего учителя, профессора Д.А. Стрельникова, он возглавил кафедру разработки пластовых месторождений, а в 1955 – горный факультет Томского политехнического института.

Как пишет Ю.А. Рыжков, «...здесь раскрылись его организаторские способности. Кафедра укрепилась молодыми кадрами. Начал работать совет по защите диссертаций. В несколько раз увеличился прием студентов на факультет».

Пятидесятые годы – вершина научного творчества Василия Владимировича. Он защищает в 1952 году кандидатскую диссертацию, становится доцентом. Успешно работает над докторской. Выполнены 43 научно-

исследовательские работы. Его исследования, посвященные проблемам разработки месторождений полезных ископаемых, печатаются в журналах «Уголь», «Вопросы горного дела», «Горном журнале». Декан горного факультета ТПИ был членом горно-геологической секции научно-технического Совета МВ и ССО РСФСР, членом научного Совета Института горного дела.

В 1961 году ректор Кемеровского горного П.И. Кокорин «выпросил» Василия Владимировича у ректора Томского политехнического А.А. Воробьева для работы в своем юном вузе. На горном факультете в должности декана боевой офицер-сапер, орденоносец чувствовал себя уверенно, твердой рукой направляя свой боевой корабль среди рифов и мелей. В это время шло становление факультета. Большие объемы административной работы не только не мешали, но и, наоборот, выявляя неожиданные грани, укрепляли преподавательский и педагогический таланты Василия Владимировича.

Его лекции приобрели гармонию между формой и содержанием: читал доходчиво, убедительно, умело сопрягая теорию с очень ценными практическими советами. Загружал пространство доски формулами и чертежами, придавая своим словам почти физическую осязаемость.

Для студентов Василий Владимирович был «батей», отцом, порой суровым, жестковатым, умеющим снять стружку за провинности, но одновременно справедливым, готовым защитить своих детей. Декан был выше среднего роста, после 50-ти приобрел грузноватость, однако, это не отнимало подвижности. Внешность Василия Владимировича вообще выдавала великорусские корни: простое лицо, великоватый, картошкой, нос, добрые голубые глаза и в то же время властный подбородок, указывающий на тенденцию характера.

Как всякий русский человек, Проскурин любил общение, шумные застолья по праздникам с песнями под баян. На баяне сам играл хорошо и ценил мастеров жанра. Однажды, распекая нерадивого студента за пропуски, узнал из случайной обмолвки последнего, что тот играет на баяне. Ну, декан горного не устоял, дал студенту шанс на «реабилитацию»: закрыл дверь деканата на ключ, достал баян, стоявший в шкафу, и полчаса слушал переливчатые аккорды провинившегося.

Важное место в духовной жизни Проскурина занимала война. Он часто рассказывал коллегам, товарищам о фронтовых делах, вспоминал в малейших подробностях тяжелейшую армейскую работу, свинцовую тяжесть вод при смертельных переправах, гибель товарищей... Тяготясь и тревожась воспоминаниями о войне, Проскурин говорил, что тот, кто прошел фронт и дожил до 50 лет, зажил на этом свете. Орденов не носил, разве что на 9 Мая.

В заботах и хлопотах по факультету быстро проходили шестидесятые. Декана В.В. Проскурина все чаще видели беспокойным: никак не удавалось поставить последнюю точку в работе над докторской диссертацией, «холодный» же, то есть не остепененный профессор не прошел в Президиуме ВАК (1966 г.). Привязавшиеся болезни заставили Василия Владимировича оставить руководство, сначала кафедрой в 1970 году, затем и факультетом – в

1973 г.

Умер он от астматической остановки сердца на 63-м году жизни 17 июня 1974 года. Могилу ему, как и было принято в те годы, выкопали студенты, его ученики. Один из них, к сожалению, ныне тоже покойный, В.Н. Михайлов, рассказывал мне в октябре 2002 года, что к окончанию работы прошел теплый дождик. Теплый, как слезы прощания с хорошим человеком.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР Стас Андреевич Сбитнев

*Пока библиотечный институт
Работает, на полки книги ставят,
Нас никакие бомбы не сметут,
Нас никакие орды не раздавят!*
А. Слуцкий

В любой профессии успех дела определяется, кроме хорошего образования, еще и умением, мастерством, опытом, индивидуальными особенностями человека. Особенно если этот человек стоит во главе коллектива, даже небольшого. Именно такой человек стоял во главе библиотеки Кемеровского горного института, созданной в 1950 году на базе библиотеки горно-строительного техникума, которая известна сегодня как одна из крупнейших в городе, – научно-техническая библиотека Кузбасского государственного технического университета.

По предложению горкома партии в декабре 1951 года ее возглавил Стас Андреевич Сбитнев. Видимо, это было не случайно, что именно ему, бывшему фронтовику, потом энергетiku, комсомольскому работнику, активному лектору общества «Знание» предложили заведовать библиотекой Кемеровского горного института. Выбор оказался удачным. Это поручение переросло в профессию, стало делом всей его жизни.

Почти на голом месте пришлось создавать Стасу Андреевичу библиотеку. Нелегко ему приходилось. Это потом его назовут корифеем библиотечного дела, генератором идей, а в те годы ему приходилось осваивать новую профессию, формировать фонд, создавать каталоги, заниматься самой разной работой, от хозяйственной до исследовательской. Да, да, уже в те годы Стас Андреевич со свойственной ему энергией предпринимает первые шаги по изучению читательского спроса, созданию таблиц классификации, проектированию помещения библиотеки, работая с коллективом, в котором только двое из девяти человек имели высшее образование.

Это потом в отчете о работе за 1959 год он напишет: «За 9 лет существования библиотека превратилась из учебной в научную с основным фундаментальным фондом в 100 тыс. томов. Создана база, на которой можно вести научно-исследовательскую работу». Сколько было сделано за эти годы...

Много сил вложил Стас Андреевич в формирование книжного фонда, основу которого составили обменные фонды библиотек Московского горного, Ленинградского горного, министерств и Академии угольной промышленности, книги из личных библиотек ученых (И.М. Ковачевича, Д.А. Стрельникова, П.Ф. Лукьянова, А.Н. Кулибабы и других). А в самом начале фонд библиотеки составлял всего 5 тыс. изданий.

В 1955-1956 годах Стас Андреевич разрабатывает «Схему рубрик систематического каталога». В основу таблиц были положены таблицы Троповского и Русинова, а также использовалась схема классификации произведе-

ний печати, принятая в ГПНТБ, и рубрики систематического каталога районной библиотеки (6-й отдел «Техника»). Включительно до 1974 года литература в НТБ КузПИ систематизировалась по таблицам классификации, составленной заведующим библиотекой, которые вместе с фондом, расставленным по этим таблицам, до сих пор так и называют Сбитневскими.

Под руководством Стаса Андреевича в институте открывается около 15 кафедральных библиотек, создаются генеральный читательский алфавитный и систематический каталоги.

Уже в те годы, при проектировании помещения в новом корпусе на ул. Весенней, 28, Стас Андреевич предполагал внедрение в библиотеке автоматизации. Правда, в те годы эта идея воплотилась лишь в грузоподъемнике, на котором на протяжении многих лет поднимались книги из подвального помещения книгохранилища на 1-й этаж на абонемент и на 2-й этаж в студенческий читальный зал. Только в конце 80-х – начале 90-х годов в библиотеке начнут воплощаться в жизнь мечты и идеи Стаса Андреевича об автоматизации библиотечных процессов. Можно сказать, что он предвидел это за много лет вперед.

В 1957 году библиотека переезжает в новое здание. Большие трудности возникают с библиотечным оборудованием. В те годы оно доставалось с еще большими трудностями, чем в настоящее время. Как человек творческий, Стас Андреевич предложил оригинальное решение этой проблемы. По его эскизам в мехмастерских института были изготовлены библиотечные стеллажи из...старых железных кроватей, списанных из студенческих общежитий. Эти стеллажи до сих пор служат верой и правдой в хранилище библиотеки.

Первоначально в новом здании института библиотеке было выделено небольшое помещение. Стас Андреевич всегда радел за расширение площади библиотеки, выходил с предложением об организации открытого доступа к фондам на Советах института. Конечно, основной прирост площади библиотеки получила в 70 – 80-х годах, но начало этому было положено в 50-е годы.

Под его руководством создаются первые указатели: «Разработка угля в Кузбассе», «Автоматизация в угольной промышленности», начат выпуск информационного бюллетеня «Новые книги». Этим было положено развитие библиографической и справочно-информационной работы. При этом следует заметить, что штатная единица библиографа была выделена только в 1959 году. На Совете института Стас Андреевич вносит предложение о проведении тематических библиографических обзоров на практических занятиях научными работниками института, разрабатывает программу учебных занятий по библиографии для студентов Кемеровского горного института.

Как заведующего его интересовало качество обслуживания студентов, которое он связывал с уровнем образования библиотекарей.

Из девяти человек трое учились в институте, двое – в техникуме. Он считал, что библиотекари должны прослушать курс основ горного дела, химической промышленности, и выходил с этими предложениями на Совет института. И в последующем, уже будучи заведующим кафедрой научно-технической информации Кемеровского государственного института культу-

ры, он воплотил в жизнь свои идеи, студенты технического отделения библиотечного факультета стали изучать «Основы промышленного производства».

Стас Андреевич придавал большое значение чтению художественной литературы студентами института и в 1959 году провел большое исследование по изучению читательских интересов на примере группы ГИ-57-4. Цитирую некоторые данные проведенного исследования:

«Из 18 студентов, записанных в библиотеку в прошедшем году, художественную литературу брали 5 студентов, другие же выбор оставили на учебниках. Из 10 взятых книг – 5 книг советских писателей, 5 книг зарубежных писателей современных и прогрессивных. Очень мало студенты читают книг русских классиков. Установлено, что 85% студентов не читали «Евгения Онегина» Пушкина. Они знакомы с этим произведением по хрестоматии. С Байроном же знакомы по фамилии. С Шиллером, Гете, Гейне, Шекспиром знакомы между прочим... Значение классической художественной литературы в духовном мире человека весьма и весьма велико... Кто же виноват в том, что читатель мало читает эту литературу? В первую очередь, библиотека. Во вторую, все лица, соприкасающиеся с работой по воспитанию студентов».

Далее он развивает эту мысль и видит причину такой ситуации в том, что существует барьер между читателем и книгой, посредник в которой – библиотекарь. Считает, что не нужно возводить барьеров между читателем и книгой, нужно разгрузить библиотекаря от трудной технической работы, сделать открытый доступ к библиотечному фонду и тем самым создать все условия для общения библиотекаря и читателя.

Стас Андреевич притягивал к себе людей, был колоритной фигурой, и поэтому не случайно, отчитываясь о работе библиотеки на Совете института, он скажет, что коллектив библиотеки всегда находил живой отклик и помощь у большинства научных работников и читателей. Огромная работоспособность, высокая мобильность, умение необычно популяризировать свои интересы, «заражать» собеседника своими идеями помогали создавать имидж библиотеки как первой лаборатории вуза.

Несомненно, что Стас Андреевич был личностью одаренной. Это очень ярко проявлялось в энергетике его речи, наполненной неординарными, самыми невероятными образными сравнениями, взятыми из жизни. Студенты, учившиеся у Стаса Андреевича, помнят многие его высказывания. Но это проявлялось не только в живом общении с ним. Он мог, не задумываясь включить такое сравнение и в серьезный отчет. Работники вузовских библиотек хорошо знают, что нагрузка по посещаемости и книговыдаче может сильно колебаться в течение определенного отрезка времени. Анализируя нагрузку по книговыдаче в отчете, Стас Андреевич напишет: «Нагрузка по книговыдаче в течение месяца распределяется неравномерно и напоминает кривую температуры лихорадящего пьяного». Это истина, «сбитневская речь». Многие его фразы нужно было додумывать, домысливать. Он был не из тех, кто давал сразу готовый ответ на какой-то вопрос. Он высказывал идею, а все остальное ты должен был сделать сам.

С.А. Сбитнев возглавлял библиотеку до 1960 года, заложил ее основу. В последующие годы библиотеку возглавляли уважаемые библиотечной общественностью, получившие впоследствии звание, «Заслуженный работник культуры РСФСР» (впрочем, так же как и ее первый директор) Шеленко Лидия Васильевна и Деринг Галина Евгеньевна, под руководством которых библиотека получила развитие, превратилась в крупную вузовскую библиотеку, методический центр вузовских библиотек Кемерова со штатом 70 человек и фондом более 600 тыс. изданий. Получили развитие научно-исследовательская, методическая работа, библиографическое и справочно-информационное обслуживание, структура библиотеки. Если при Стасе Андреевиче были только абонемент, читальный Зал и сектор комплектования и обработки, то сегодня в библиотеке 7 отраслевых отделов, 5 абонементов, 6 читальных залов, Библиотечный Центр Интернет.

Достоинным преемником предыдущих директоров стала Киндиченко Елена Николаевна, возглавившая библиотеку в 1997 году. Под ее руководством начинают внедряться новые информационные технологии, это направление работы становится приоритетным в развитии библиотеки. В 2001 году НТБ КузГТУ выигрывает грант Европейского Союза и приступает к работе в международном проекте ТЕМПУС, начинается внедрение современной автоматизированной библиотечной системы VIRTUA американской корпорации VTLS (штат Вирджиния). Внедрение интегрированного программного обеспечения нового поколения с набором пользовательских интерфейсов и многочисленными сервисными программами позволит библиотеке видоизменить весь комплекс существующих технологий и способствовать развитию высококачественных информационных услуг. Идеи Стаса Андреевича обретают плоть и кровь.

Необычный характер Стаса Андреевича и его незаурядная личность особенно ярко проявлялись во время лекций. Помню, как на одной из лекций по информационно-поисковым языкам он рассказал нам о ключевых словах, о том, что эти слова несут наибольшую смысловую нагрузку. В пример привел свою фамилию. Спроси нас:

- От какого слова произошла моя фамилия?
- От слова «сбитень».
- А что это такое?
- Горячий напиток из меда с пряностями.
- Выделите в этой фразе ключевое слово.

Мы наперебой стали перечислять: «мед», «напиток», «пряности». Но все это не давало цельного представления об этом напитке. Стас Андреевич подвел нас к самостоятельному выводу, что только одно слово «сбитень» может заменить всю фразу. Специалисту этого будет достаточно. Для нас этот пример заменил целую лекцию о способе выделения ключевых слов из текста.

С.А. Сбитнев сделал очень многое для развития библиотечного дела в Кузбассе. Нет ни одной библиотеки в Кемерове и в Кузбассе, в которой бы не знали Стаса Андреевича. Во многих он сумел внедрить свои идеи, внес

большой вклад в развитие информатизации в библиотечном деле, работал над созданием баз данных, информационного пространства Кузбасса. И первая библиотека, которой он руководил почти 10 лет, является библиотекой в Кемерове, где его идеи полностью осуществляются. Очень жаль, что он буквально несколько дней не дожид до того дня, когда в НТБ КузГТУ, у истоков развития которой стоял он, со 2 сентября 2002 года стала осуществляться электронная книговыдача на абонементе учебной литературы. Это стало реальностью. Воплотилась в жизнь мечта Стаса Андреевича об освобождении библиотекаря от рутинной работы.

До конца жизни его не покидали идеи, он не мог представить себя без любимого дела.

Жизнь ученого и педагога С.А. Сбитнева продолжается в его трудах, учениках, последователях.

В.Г. Соколова (Куртукова)

ЗОЛОТОЙ ПРОРАБ ПОЛИТЕХА КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ ХАРЧЕНКО

*Ветер бросает чет и нечет,
Где-то не зная кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом – дивчина.*

В. Хлебников

Рабочие-путейцы Федор Наледин и Григорий Харченко – дело было в конце 30-х годов прошлого века – с молодых лет дружили семьями. Сближала похожесть характеров, общая работа, да и деваться, пожалуй, было некуда: жили Наледины и Харченко в одном казенном шлакоблочном доме на разъезде, известном в железнодорожном околотке Южного Урала как «казарма». «Казарма» была открыта всем ветрам, зимой ее заносило снегом по окна, зато весной и летом она утопала в зелени.

В семьях появились дети. Харченки, родившие первой девочку, с нетерпением ожидали сына. Их ожидание вольно или невольно передавалось Налединым. И однажды Федор, вернувшись с обхода путей, увидел улыбку на лице соседа. Сразу же с вопросом: «Нормально, Григорий?!» А тот: «Отлично – Константин!»

Константин появился на свет 20 ноября 1938 года. Роды принимала бабушка по матери Ульяна. Она же и нарекла младенца в честь деда и близости имени своего любимого святого – Константином.

На «казарме» прошли первые десять лет жизни Константина. Он рос худеньким, подвижным мальчиком, подставляющим еще неокрепшее плечо под взрослые заботы семьи. В семь лет Костя получил отцовское «спецзадание»: каждый день с мая по август приносить по ведру раков с Троицкой ГРЭС. Заданием отца не тяготился, раков таскал с большим удовольствием, о чем часто вспоминал в своей взрослой жизни.

В 1949 году семья Харченко переехала в крупный поселок Федоровка Кустанайской области Казахстана, поселившись в собственном домике с голубыми ставнями. Детей со временем стало семеро – трое мальчиков и четверо девочек. Зарплаты с новой отцовской должности путевого мастера хватало только-только, но семья жила дружно, защитившись в подобных случаях исконно русским – покосами, скотиной, огородами.

Средоточием интересов Кости Харченко стала школа. Учился он легко, с явным предпочтением математике и физике, немного «хромал» русский язык.

Уже с первой четверти в пятом классе стал он глядеть да поглядывать в сторону одноклассницы Любы Кардивар, сидевшей перед ним на второй парте. С седьмого класса вообще взялся провожать девочку в школу и обратно. Гуляли еще в составе большой компании сверстников среди федоровских достопримечательностей. Особенно любили размять молодые ноги по берегу озера Джаркуль в поселковой черте, вблизи плеска волн, камышей, лодок с

рыбаками.

Так и выросли они рядом – смуглый паренек тонких черт лица Костя Харченко и стройная, голубоглазая Люба Кардивар.

В конце 1956 года после выпускных экзаменов он принимает предложение своего школьного друга Толи Корнеева поехать в Кемерово: «Там у меня, Костя, дядька живет и Горный институт есть».

Юноши запросто приезжают в Кузбасс и поступают в Кемеровский горный институт: Корнев – на горный, а Харченко – на шахтостроительный факультет.

С большим желанием и усердием грызет К. Харченко гранит науки, насыщается техническими и гуманитарными дисциплинами. Уже со второго курса приходит уверенность в собственных силах, в том, что выбор профессии инженера-строителя верен. Не останавливает стесненность в материальных средствах: Костя учится «вжиматься» в стипендию, подрабатывает разгрузкой вагонов. Это, кстати, формировало личную неприхотливость. Позже, будучи зав. кафедрой, не любил новых вещей, занашивал рубашки, а галстук после лекции снимал и прятал в карман.

В студенческие же годы был замечен в книгочействе самым образованным человеком Кемеровского горного, преподавателем сопромата Виктором Константиновичем Минятовым, дворянином по происхождению, одарен «Нивой» за 1914 год и отпотчеван пирожками в однокомнатной квартире «профессорского» дома на Весенней.

Триумфальным для Константина Харченко становится лето 1961 года. Он защищает на отлично диплом, получает приглашение работать в институте и женится на долгожданной Кардивар, с которой все эти годы не терял связи – сердечной и письменной. После свадьбы на родине молодые приезжают в Кемерово и поселяются в общежитии на Демьяна Бедного.

С сентября 1961 по май 1966 года Константин работает ассистентом кафедры сопротивления материалов и строительной механики, поступает в аспирантуру. Отношения с наукой однако не складываются: теоретические изыскания молодого Харченко раз за разом упираются в отсутствие личной строительной практики. Переживания на этой почве, даже невралгия приводят к сильнейшим головным болям. И тогда Костя решительно меняет свою жизнь: уходит из института на производство. Почти три года, с 1966 по 1968 год, он работает прорабом, старшим прорабом в строительном управлении № 4 треста «Кемеровожилстрой».

Прорабство с его фронтовыми буднями – «Обеспечить!», «Достать!», «Сдать в сроки!» – как рукой сняло головные боли бывшего аспиранта, а самое главное – дало ценнейший практический опыт. В конце концов происходит закономерное, «СУ-4» вновь возвращает Харченко к науке.

В 1969 году он становится старшим научным сотрудником лаборатории экономических исследований и научной организации труда Минуглепрома, выполняет ряд ответственных исследований, результаты которых ложатся в основу кандидатской диссертации, защищенной в 1972 году.

А в 1973 году Константин Григорьевич приказом ректора В.И.

Кожевина № 264 от 5 сентября возвращается в Кузбасский политехнический институт на кафедру технологии строительного производства.

Он читает лекции и ведет практические занятия по курсам «Сопротивление материалов» и «Строительная механика», руководит курсовым и дипломным проектированием, активно участвует в выполнении хозяйственных и госбюджетных работ по проблеме «Исследование свойств и повышение долговечности строительных материалов». Он автор 46 научных работ, а также учебного пособия, подготовленного в соавторстве с Л.С. Владыко и И.И. Берген.

Своих студентов учил на совесть, не жалел времени на общение с теми, кто «пробуксовывал» по предмету, но тянулся к знаниям на пределе сил. В то же время пресекал расхлябанность и высокомерие, мог жестко и акkuratно «поправить».

Впечатляет общественная активность. Константин Григорьевич был председателем профсоюзного бюро ШСФ, членом методической комиссии факультета, председателем первичной организации общества «Знание», зам. председателя областного Совета НТО СИ и т.д.

С 30 мая 1994 года по 1 сентября 2001 года К.Г. Харченко заведует кафедрой технологии строительного производства. Отражая общие настроения, лауреат Премии Совета Министров СССР в области науки и техники М.И. Диамант отмечал в свое время: «... Умеет ненавязчиво руководить и без нервотрепки организовывать работу коллектива, готов сам много работать, учить и учиться».

Профессионализм, педагогический дар, цельность натуры органично дополнялись в Константине Григорьевиче талантом общения с людьми. За многое был ценен К.Г. Харченко – открытость и доброжелательность, душевную сердечность, отменное жизнелюбие и чувство юмора.

Однажды – эта история есть в устных «святцах» кафедры – Константин Григорьевич, принимавший экзамен, заметил у студента на среднем ряду длинную шпаргалку, торчащую из кармана. Он подошел и говорит: «Достанет шпаргалка до стены – получишь четыре. Студент: «Нет, Константин Григорьевич, если на то пошло – ставьте «пять». – «Это еще почему?» – удивился экзаменатор. «А моей шпаргалки, – поясняет студент, до десканата хватит!»

В своей речи и кулинарных пристрастиях он хранил остатки родины своих предков – отдельные фразы произносил певуче и налегал на борщ и сало. Был страстным грибником. Однажды вместе с внуком «наломал» 16 ведер опять, обременив жену каторжной работой по их чистке, варке и засолке. Его любимым автором был А.П. Чехов, из которого он в известной житейской ситуации повторял фразу: «Что есть? Что есть?» – «А что подадут, то и будешь есть!». Любил тихонько напевать из «Земли Санникова»: «Призрачно все...» и т. д.

К.Г. Харченко, высмотревший свою судьбу зоркими глазами еще в пятом классе Федоровской десятилетки, был счастлив со своей избранницей в жизни. «Любаша сказала», «Любаша приготовила»... – он не скрывал своей

нежности к жене и за пределами квартиры. Семья для Константина Григорьевича была альфой и омегой бытия, он не щадил себя в труде ради ее благополучия.

Дети Любаши и Кости, Ольга и Сергей, закончили инженерно-экономический факультет нашего вуза, выросли достойными людьми, работают в настоящее время на благо Кузбасса, ставшего когда-то второй родиной их замечательного отца.

Умер Константин Григорьевич от тяжелой, скоротечной болезни 16 декабря 2004 года. Однако свет и тепло личности К.Г. Харченко простерли свои лучи далеко за пределы его жизни.

ВЕРА ПЕТРОВНА ШУРАНОВА – СВЕТЛОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Кто б ни был ты, но, встреться с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.
Ф. Тютчев

Вера Петровна Шуранова родилась 29 сентября 1922 года в деревне Демидово Кесовогорского района Калининской области в крестьянской семье. Петр и Клавдия Щербаковы, отец с матерью, и их семеро ребятишек, не бедствовали, но все это оплачивалось тяжким трудом в поле и по домашнему хозяйству. На подворье семьи всегда теснилось не менее 20 овец с ягнятами, корова с телятами, свиньи, требовавшие ежедневного приложения всех сил семьи, в том числе детских. Зато на столе был крупеник на вкусных овечьих шкварках, «яблочница» – картофельное пюре, запеченное в русской печи, и вдоволь молока с хлебом.

Рано проснулась тяга к знаниям. Вера была лучшей ученицей – сначала в семилетней школе, а позже – в Бежицком педучилище. Имена же учителей истории помнит и сегодня: Пузырев Дмитрий Владимирович и Сергеев Василий Сергеевич. Благодаря им формировался интерес к истории, складывались направления поиска жизненных смыслов.

В августе 1940 года Вера Щербакова приезжает в Ленинград и успешно сдает вступительные экзамены на исторический факультет педагогического института имени А.И. Герцена. Учиться почти в столичном вузе, жить на Мойке рядом с квартирой-музеем А.С. Пушкина – это было похоже на сказочный сон.

Незаметно пролетел первый курс. В июне 1941 года Вера приехала к родителям на каникулы. Через неделю, 22 июня, началась война.

Вера решает возвратиться в Ленинград. Город менялся с каждым днем, с каждой неделей. Коллектив пединститута был эвакуирован, в его здании разместился госпиталь. Вера пошла в него работать. Постепенно стал ощущаться голод. Особенно заметно – после пожара на бадаевских продовольственных складах в сентябре 1941 года. Продовольственный паек сразу же уменьшили наполовину. Помог случай: в конце ноября – начале декабря она была вывезена на машине по льду Ладожского озера.

Где сама, где с помощью добрых людей добралась-таки до матери. Изголодавшись, намерзнувшись в пути, она вошла в родительский дом и воскликнула, увидев хлеб на столе: «Неужели это никто не съел?»

В 1942–1946 годы Вера Щербакова учителем на селе, ведет «все», заканчивает заочно исторический факультет Калининского пединститута и становится слушателем Высшей комсомольской школы в Москве.

Здесь она встречает рязанского парня с открытым взглядом серых глаз, симпатичного Николая Шуранова, тоже слушателя Высшей школы. Молодые

люди понравились друг другу, соединили свои судьбы и, поработав некоторое время по направлению на Сахалине, перебрались в Кузбасс.

Николай Павлович Шуранов в 50–70-е годы прошлого века работал в партийных и советских органах Прокопьевска и Кемерова, постепенно все больше и больше сосредотачивается на научной, вузовской работе. Он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал признанным авторитетом в области изучения истории России.

Вера Петровна занимала ряд ответственных должностей в комсомольских и партийных органах, защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом Кемеровского пединститута.

В январе 1975 года, будучи проректором по вечернему и заочному обучению КГПИ, В.П. Шуранова получает предложение тогдашнего ректора Кузбасского политехнического института В.Г. Кожевина возглавить кафедру истории КПСС. «Конечно, – рассказывала Вера Петровна автору этих строк, – было опасение, справлюсь ли. Вуз считался мужским, суровым».

Предложение Кожевина имело внутреннюю подоплеку. После отъезда в Москву зав. кафедрой, доктора исторических наук В.А. Кадейкина коллектив кафедры лихорадило. Естественная смена поколений сопровождалась борьбой мелочных амбиций, болезненных самолюбий. Как вспоминает исполнительный директор Совета попечителей И. Черноброд: «Заседания кафедры длились по 5-6 часов. Шла говорильня с растратой миллионов слов по ничтожному поводу с ничтожными результатами».

Появление Веры Петровны сразу оздоровило обстановку. Ровным, корректным отношением ко всем своим коллегам, без деления на любимцев и изгоев, точным распределением обязанностей среди кафедралов, введением процедур обсуждения вопросов в разумное русло она внесла спокойствие, погасила тлеющие конфликты. Сразу же получили возможность продуктивно реализовать свои идеи молодые преподаватели – Т. Кузнецова, Н. Романенко, А. Бельюков, В. Брель, И. Черноброд.

Кафедра истории стала быстро возвращать себе коллективистские качества, занимать первые места в социалистическом соревновании среди обществоведов, вырос в целом ее общий вклад в дело подготовки инженерных кадров. Не случайно В.Г. Кожевин, сдавая «хозяйство» М.С. Сафохину, прощаясь с внутривузовскими коллективами, сказал на одной из встреч, что открытие читального зала гуманитарных наук и приглашение Веры Петровны – лучшие из его последних ректорских дел.

Как человек, преподаватель В.П. Шуранова располагала к себе с первого взгляда, с первого слова, произнесенного ею в общении. Среднего роста, темноволосая, с лицом – эталоном неброской женской красоты средней полосы России, тщательной ухоженностью в одежде, умением простой ниточкой бус оттенить достоинства своей фигуры, очевидные даже не очень внимательно взгляду, она производила сильное впечатление.

Уровень эстетических представлений Веры Петровны о человеке, пусть отчасти идеалистический, был столь высок, что ее интеллигентность и прекраснотушность ошеломляли, и все, вольно или невольно, студенты, коллеги по

работе, старались внутренне подтянуться, соответствовать ему.

Деятельность В.П. Шурановой в нашем вузе, включая работу почасовиком после выхода на пенсию, продолжалась до 1996 года и была закончена в 73-летнем возрасте. Причины столь завидного долголетия – в системе ценностей, заложенных родителями, учителями, всем ходом ее жизни, – трудолюбии, порядочности, постоянной жажде движения вперед, честном исполнении своего долга перед людьми.

Большое место среди вышперечисленных основоположений принадлежало семье. Вера Петровна была хранительницей домашнего очага, берегиней своих близких. В семье, в стенах дома гасились волнения внешнего мира, улегались тревоги рабочего дня, накапливались свежие силы...

В атмосфере любви и согласия между родителями, профессиональными историками, подрастали дети. Дочь Лена уже в раннем возрасте пыталась читать К. Маркса, но 100%-й «историизации» семьи Шурановых и попаданию на этой основе в Книгу рекордов Гинесса «помешал» сын Сергей, ставший известным джазовым музыкантом со столичной пропиской. Лена же с дороги родителей не свернула, защитила кандидатскую диссертацию, успешно работает над докторской.

Автор очерка беседовал со своей героиней в январе 2003 года. Перед ним сидела уже немолодая женщина, со следами, как говорят в таких случаях, прожитых лет на лице. Но по-прежнему с ясной речью, прекрасной памятью и глазами, в которых никогда не угасал искренний интерес к жизни.

29 сентября 2007 года Вере Петровне Шурановой исполнилось 85 лет.

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ. МИХАИЛ КИРСАНТЬЕВИЧ ЦЕХИН

Родился М.К. Цехин 18 февраля 1920 г. в сибирском селе Соль-Заводское, что в Тасеевском районе Красноярского края. Жители села зимой добывали соль, складировали, а весной сплавляли до окрестных селений «по высокой» воде быстро мелеющих летом речек. Отец Михаила Кирсантьевича был мастером, который строил барки и сплавлял в них соль.

Миша из пятерых ребятишек был старший и в свободное от учебы время помогал отцу строить барки.

Жернова, перемалывавшие судьбы многих миллионов невинных людей в 30-е годы уходящего столетия, не обошли стороной и эту трудолюбивую семью. В 1932 г. отца и остальных членов семьи погрузили на баржи и по Енисею сплавили в северный порт – г. Игарку. И здесь Миша продолжал отлично учиться, активно участвовал во всех школьных мероприятиях, особенно любил дальние лыжные переходы. Светлые воспоминания тех лет у него связаны с челюскинцами. В 1934 г. он встретился с прибывшими в г. Игарку руководителем экспедиции на пароходе «Челюскин» О. Ю. Шмидтом и одним из первых Героев Советского Союза, спасавших челюскинцев со льдины, летчиком В. С. Молоковым. М. Цехину в числе отличников и пионерских активистов поручалось повязать пионерский галстук легендарному О. Ю. Шмидту.

Школу он закончил с отличными оценками и был оставлен преподавателем математики и физики – предметов, которые он любил и хорошо ими владел.

В 1937 г. отца арестовали и вскоре расстреляли, о чем семья узнала много лет спустя, когда отца полностью реабилитировали. Однако мрачная тень того периода многие годы лежала на детях и близких родственниках отца. На военную службу его призвали в 1942 г., когда сверстники уже участвовали в событиях Великой Отечественной войны. Призывников, прибывших из г. Игарки пароходом в г. Красноярск, направили на запад, а его – в трудовую армию с пребыванием в г. Анжеро-Судженске. Через год от шахты 9/15 Анжерского рудника его направили учиться в Донецкий индустриальный институт, который находился в эвакуации в г. Прокопьевске, а после скорого возвращения вуза в освобожденный от немцев Донецк, он перевелся на горный факультет в Томский политехнический институт. Избранный секретарем бюро ВЛКСМ ГФ ТПИ он много внимания уделял организационной и воспитательной работе с комсомольцами – в спортивно-оборонной их подготовке, в строительстве студенческих общежитий, в учебе. Еще студентом был принят в члены КПСС.

Общественная активность М. Цехина была замечена в институте, и по окончании его с отличием в 1948 г. он был оставлен в должности ассистента на кафедре разработки рудных месторождений и одновременно избран секретарем комитета ВЛКСМ ТПИ и членом Томского горкома ВЛКСМ. На

комсомольской работе с огромным коллективом студентов, продолжившейся около 4-х лет, раскрылся талант М. Цехина как умелого воспитателя и организатора, который использовался им в последующей педагогической и общественной деятельности.

В 1951 г. М. К. Цехин переводится на должность старшего преподавателя и серьезно начинает заниматься научной работой. Он несколько лет практически не выезжает из г. Прокопьевска, проводит эксперименты на многих шахтах, ищет пути повышения темпов проведения подготовительных выработок по крепким породам, особенно в области совершенствования наиболее трудоемких буровых работ. Он исследует режимы бурения, вносит коренные изменения в конструкцию колонковых сверл, применяет мокрое бурение, что важно для подавления пыли в забое. Скорости бурения шпуров по крепким породам модернизированными им колонковыми сверлами повышены в 2–2,5 раза. Их быстро и широко стали внедрять на шахтах Кузбасса.

М.К. Цехин также является пионером внедрения на шахтах более безопасного и эффективного короткозамедленного способа взрывания шпуров.

Установленные им закономерности по режимам бурения крепких пород легли в основу кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1955 г.

Позже стало известно, что наряду с трудами других ученых ТПИ «фундаментальные труды доцента М.К. Цехина были использованы для создания автоматических устройств для бурения скважин на луне», о чем писал академик О.Д. Алимов в своих воспоминаниях в газете ТПУ «За кадры» № 5 от 13.04.1999 г.

И что самое примечательное, о чем пишет О.Д. Алимов, «попытки решить эти задачи с привлечением столичных ученых не увенчались успехом».

В 1957 г. М. К. Цехин избирается доцентом и назначается заместителем декана горного факультета ТПИ.

В 1962 г. в составе совместной комиссии ТПИ и КГИ он провел большую организационную работу по переводу ГФ ТПИ и кафедры разработки рудных месторождений в Кемерово. Этой кафедрой он заведовал в течение последующих 11 лет. На этой должности он много внимания уделяет совершенствованию учебного процесса, в частности организации выполнения комплексных дипломных проектов, заканчивающихся изготовлением моделей.

Была развернута под его руководством научно-исследовательская работа по совершенствованию технологии добычи руд на Салаирском полиметаллическом руднике. К этим исследованиям были подключены все преподаватели, аспиранты кафедры и многие студенты.

В результате многолетних исследований были получены новые данные по структуре рудного массива, которые позволили теоретически объяснить большой выход негабаритов при выпуске руды из блоков. Разработанные и внедренные способы расположения скважин в блоках, массы зарядов и оче-

редность их взрывания позволили сократить до минимума выход негабарита и значительно повысить эффективность горных работ на руднике.

В 1974 г. М.К. Цехина, как одного из опытных воспитателей, избирают деканом заочного факультета, где он трудился до 1982 г.

Многие годы он был членом диссертационного совета, исполняя обязанности ученого секретаря, выполнял многочисленные другие общественные поручения.

За успехи в педагогической, научной и организационной деятельности он многократно награждался Почетными грамотами, заносился в Книгу почета, отмечен медалью «Ветеран труда». Но самая большая награда – это благодарность его учеников. Многие из них стали крупными руководителями объединений и рудников (Т.П. Байдин, В. Ефимов, А. Дрон, Ю.Н. Попов), учеными (д.т.н. Г.И. Садовский, А.А. Ренев), общественными деятелями (П.Я. Слезко, В.П. Цареградский, В.И. Бедин).

Герой очерка – основатель династии преподавателей Цехиных, которые верой и правдой служили и служат нашему университету: сам Михаил Кирсантьевич, его жена Мария Федоровна, более 20-ти лет отработавшая в отделе комплектования НТБ; сестра Галина Кирсантьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории (ныне живет в Москве); дочь Светлана Михайловна (Бугрова), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации машиностроительной промышленности, зам. декана ИЭФ; сын Александр Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры горных машин и комплексов, зам. декана ГЭМФ.

В 2001 г. кандидатскую диссертацию защитил внук Михаила Кирсантьевича (сын А.М. Цехина) Андрей, работавший на кафедре металло-режущих станков и механизмов.

Всего в общей сложности династия Цехиных в трех поколениях имеет стаж работы в вузе более 150 лет.

Ю.А. Рыжков, академик,
зам. председателя ЗСО РАЕН.

Кафедра

роман

***Я мысленно вхожу в ваш кабинет,
Здесь те, кто был и те, кого уж нет.
Ничья для них не умерла химера,
И бьётся сердце, взятое в их плен.***

М. Волошин

Условия преподавания гуманитарных дисциплин в Кузбасском техническом университете в самом начале XXI века (2001–2006 гг.) в целом были благоприятными.

Общее благолепие, однако, было подпорчено ожиданием «Болонии», призрак которой то исчезал, то вновь маячил в отдалении. Ходили слухи, что в связи с подписанием Россией некоей Болонской конвенции, предстоит радикальная перестройка учебных планов с их капитальной зачисткой от всяких там «историй» и «философий». Невидимая угроза заставляла вольно или невольно стараться в работе: вдруг действительно придет «серенький волчок и ухватит за бочок».

Вторая особенность капиталистической пятилетки – резкая интенсификация преподавательского труда. Большая часть доцентов и профессоров вынуждена стать «разбежными» (работать по совместительству в других вузах) или «разъездными» – выезжать на филиалы в города Кузбасса, внося свой вклад в образование поколения «некст».

Третья особенность – объединение гуманитариев – наконец-то! – в некую корпорацию в рамках факультета гуманитарного образования, созданного в мае 2000 года. Свершилось то, к чему в своё время, лет двадцать назад, призывал тогда ещё совсем молодой, ныне доцент кафедры государственного и муниципального управления Эдуард Николаевич Вольфсон.

Кафедра отечественной истории Кузбасского государственного технического университета (бывшего политеха) в начале XXI века располагалась в пятом учебном корпусе на втором этаже, в его левой части, почти напротив деканата химико-технологического факультета.

В 2001 году при Игоре Александровиче Чуднове¹ была поставлена железная дверь в деревянном, модно подкопчённом, в сучковатую пестринку «Костюмчике». Чуднов самолично подобрал красивые, под золото инков, металлические ручки, одну из которых, ту, что снаружи, со стороны коридора, немедленно, в соответствии с духом первоначального накопления, обувавшего тогдашнее общество, спёрли.

¹Чуднов И.А. Кандидат исторических наук. В процессе подготовки докторской диссертации сменил ориентацию, защитившись в итоге по классу наук экономических. Специалист по широкому кругу проблем – теневая экономика, финансовая история России, управление и т.д. Будучи еще неостепененным преподавателем, привлек внимание товарищей по кафедре не по годам мудрой фразой, что *работать надо по уровню зарплат* (разрядка моя – А.К.). Организатор победы команды технического университета в олимпиаде по истории среди вузов Кемеровской области (1994). Стопроцентный Скорпион. Похож на испанского премьер-министра, лидера социалистов Хуана Луиса Родригеса Сапатеру «Авиаторский» взгляд. Ди Каприо Умеренно ироничен.

2001-2007 годы – именно о них, в первую очередь, идет речь в моем сочинении – составили незабываемую страницу в жизни кафедры отечественной истории. Никогда еще окружающему миру не предъявлялось столь много доказательств наличия БЫТИЯ с его яростным противостоянием ХАОСА и ЛОГОСА. Никогда прежде сущности не выступали в такой первобытной наготе, заблуждения не были такими искренними, а прозрения – такими ослепительными.

В первую миллениумскую пятилетку кафедра истории по-новому «открышеввалась», добавив в название теорию и историю культуры, под сурдинку о необходимости «оптимизации структур» на треть выросла в составе; развила бешеную книгоиздательскую деятельность; едва не стала филиалом кафедры археологии КемГУ; боролась с «засланными казачками»; массовидно выходила из «школы коммунизма» - профсоюзов; держала своего «агента влияния» в Кордильерах власти; лихо отплясывала на междусобойчиках под «Продавщицу штучного товара»; меняла заведующих как перчатки.

Кафедрой в 2001-2007 гг. руководило пять человек: Михаил Семенович Грачев, Игорь Менделевич Черноброд, Анатолий Михайлович Белюков, Игорь Александрович Чуднов (дважды), и Дмитрий Николаевич Белянин. Каждый из них в меру своих возможностей старался обеспечить процветание коллектива, его достойное место среди подразделений технического университета. Естественно, что стиль и методы управления при этом сильно разнились.

Переступив через порог, мы немедленно попадаем в прямоугольную светлую комнату квадратов в 36-40.

Восемь лет назад строительная фирма «Тустрем-инженеринг» при совете попечителей, руководимая сербом, гражданином Югославии, профессионалом высокого класса (и заметим от себя – другом историков) Мирко Драгашем, спасла кафедру от мерзостей запустения. «Тустрем» выполнила евроремонт – заменила плохие батареи на хорошие, покрасила стены в приятный для глаза белый верх и светло-бежевый низ, настелила линолеум. Он и сейчас хорош этот линолеум – темно-зеленый под малахит сказок П. Бажова с квадратиками в серебряных рамочках, затертых, правда, несколько за прошедшее время тысячами подошв.

Между гибридом платяного шкафа с «раздаточными» полками контрольных работ заочников и правой частью стены был, выражаясь языком модерна, РЕЛАКСАЦИОННЫЙ УГОЛОК. Здесь стояли полукруглый, полумягкий диван и небольшой столик. Любили преподаватели чай и кофий – после семинарских занятий по отмене крепостного права и лекций о Смугном Времени погонять, медком из трехлитровой банки, выставленной Чернобродом, угоститься, да и сухарями похрустеть.

***Талант историка состоит в том,
чтобы создать верное из частей,
которые верны лишь наполовину.***

Э. Ренан

Кроме того, в 2002-2005 годах УГОЛОК надежно укрыл от прямого начальствующего взора доцентов Л.Н. Екимову¹, Р.С. Бикметова² и старшего преподавателя Д.Н. Белянина³. Свое присутствие на заседаниях кафедры в означенный период времени они, ободряя себя, обозначали словами: «Мы здесь, Игорь Михайлович!».

«Релаксировал», т.е. держался в релаксационной зоне и А.М. Белюков⁴, мужчина 50-ти с небольшим, личный друг блистательного Каталы – артиста Гаркалина, отец-основатель культурологического направления в системе гуманитарных дисциплин высшей инженерной школы Кузбасса. Потряс товарищей по работе изумительной пластикой восточного танца 4 марта 2005 года, обвинившись лианой вокруг молодой преподавательницы русского языка Наймушиной. Через пять дней «наказан» должностью «ИО». Сделал негромкое, но концептуальное заявление о том, что «его правление напомнит времена брежневского застоя, но без личного впадения в маразм». Слово свое сдержал.

¹ Екимова Лидия Николаевна. Кандидат исторических наук, доцент В молодости заведовала библиотекой, прыгала с парашютом, работала в типографии Автор настолько глубоких идей в истории и культурологии, что, видимо, поэтому не оценена по достоинству современниками. В 1992 г. подготовила отрицательный отзыв на докторскую диссертацию будущего академика В.П. Машковского. Своевременно поправлена руководством. Обожаала Сагу о Чужих Жила на ФПК в двухкомнатной квартире, боялась в потемках идти от остановки через овраг к дому. Издана (Словарь по культурологии, 2006) тиражом в 1100 экземпляров Рекорд кафедры, между прочим. Единственная среди кафедралов по обращению к зав. кабинетом Борисовой «Галочка!» Приносила с собой ощущение пастаса По собственному признанию, любила пищу.

² Бикмегов Рашид Саитгараевич Кандидат исторических наук. доцент Обессмертил себя (действительно обессмертил – А.К.) участием в подготовке КНИГ ПАМЯТИ шахтеров Кузбасса. Исключительно трудолюбив, неприхотлив в одежде, отменный семьянин. Отец трех сыновей. Работал на двух приусадебных участках – своем и тещином Обращался к товарищам по кафедре. «Уважаемые коллеги!» В финальной части мсждусобойчиков любил соло – танец под Верку Сердючку. Все же думали – башкирское, татарское, национальное Бражку доцента Ковалева – березовый сок на апельсиновых корочках – ставил выше евровин (справедливо – А.К.) В ноябре 2005 г. перешел в старшие научные сотрудники для подготовки докторской диссертации

³ Белянин Дмитрий Николаевич Кандидат исторических наук, старший преподаватель, доцент Первое десятилетие Миллениума – сплошная динамика принял на работу в «лучший в мире политех», защитил кандидатскую, застолбил как истинный аграрий! – «деланку» в «Вестнике КузГТУ», издал монографию, «родил» сына. выпустил учебное пособие с грифом УМО и сменил разночинский куртяг на боярскую куртку с серебристым воротником Быстро набирал лишний вес. Страстно болел за команду «Кузбасс» по хоккею с мячом С сентября 2007 г. – и о заведующего кафедрой.

⁴ Белюков Анатолий Михайлович Кандидат исторических наук, доцент. Ветеран кафедры. По совокупности заслуг представлен руководством к Заслуженному работнику культуры Российской Федерации, отклоненному чиновниками областной администрации. Направлен в восьмилетнюю командировку на кафедру культурологии КемГУ, укрепив которую вернулся в родной Политех. Заслуженный работник Высшей Школы Руководит творческим объединением «Кадр», где по полной программе кадрит девушек и юношей технического университета под видом якобы огромной любви к Феллини и Бертолуччи Обаятельно скромнен, прекраснодушен, экспрессивно танцевален. Кафедрой руководил с 9 марта 2005-го года по 15 мая 2006-го Под его руководством коллектив вышел из мобилизационной системы. Герой романа «Доказательство жизни» встречает его в 2019 г. старичком, полным энергии и сил, в обществе молодящейся старушки, спецназники на просмотр какого-то хита в Ассоциацию почетных ветеранов-синсманов технического университета

***Все в руках Господа, и только история
ускользнула из под Его контроля.***

Збигнев Ежина

Представление о релаксационном пространстве было бы неполным без упоминания о средних размерах настенном зеркале, подаренного кафедральным модницам 8 марта 2001 года их коллегами – мужчинами. Впрочем, не только модницы смотрелись в него, но и автор этих строк подходил к нему, наблюдал убывание молодости, торопился к великим делам.

Слева от входа, в закутке, образованном правой частью чудновской двери и выступом стены под объявлениями всякого рода – «За апрель плюс 30 %», «Все на концерт симфонического оркестра!», «Не забудьте проставить контрольные точки!», - стояло низкое, ветхое кресло, задвинутое по причине старости в угол с почетного места возле ЗАВЕДУЮЩЕГО и ПАЛЬМЫ. Сиживал же в этом кресле в начале Миллениума В.А. Осипов¹, земляк автора книги «Пленники Камелота». Виктор Алексеевич отличался мягкостью в общении, душевным расположением к собеседнику и теплой интеллигентностью, выдававшей в нем современного Юрия Жеваго, вplyвшего счастливо, в отличие от прототипа, в семейную гавань.

Чуть впереди и чуть севернее «антиквариата» с кандидатом наук Осиповым стояли стул и стол еще одного кандидата, Заслуженного работника высшей школы Нэли Николаевны Романенко², любящей мягко указать начальству всех уровней на огрехи в организации учебно-воспитательного процесса. В самом углу от Нэли Николаевны бедной родственницей-приживалкой стояла железная вешалка времен отъезда доцента Алексея Васильевича Ключанских³ в Москву на укрепление тамошней историко-партийной науки.

¹ Осипов Виктор Алексеевич. Кандидат исторических наук, доцент. Участник проекта «КузГТУ Страницы истории» и ряда других проектов. Автор монографии о частнохозяйственной деятельности в советской экономике 60-70-х годов 20 века. Компенсируя дефицит личной властности, сына назвал Всеволодом. При всей своей невозмутимости - тонок по части внутренней рефлексии на окружающий мир «Зал затих. Я вышел на подмостки // Прислоняясь к дверному косяку // Я ловлю в далеком отголоске // Что случится на моем веку» Это о нем

² Романенко Нэли Николаевна. Кандидат исторических наук, доцент. Жена зав кафедрой государственного и муниципального управления ЭН Вольфсона. Жила за ним как за каменной стеной. Стабилизированный и спокойный человек. В одежде предпочитала классику, изобличающую хороший вкус и чувство меры. В марте 2000 года положила в диван УГОЛКА («Под Белокова») бутылку коньяка на случай чьего-либо форс-мажора с артериальным давлением. Нэли Николаевна – автор учебного пособия «100 произведений русской истории», подготовленного с доцентом Ковалевым, но, к сожалению, не прошедшего «таможно» господина Юрченко. Есть поэтическая рефлексия по этому поводу «Толстой – три раза Пушкин с Балаховым // Ей так хотелось всем вам намекнуть // Что развела «романы» с Ковалевым // Но вот никак не может опубликовать»

³ Ключанских Алексей Васильевич. Кандидат исторических наук, доцент. Участник Великой Отечественной войны, знаковая фигура 80-х – середины 90-х годов прошлого века. Тип самоуглубленного работника, пополняющего профессиональные знания непрерывным участием в теоретических и методологических семинарах. Самозабвенно трудился над докторской диссертацией, от обсуждения которой историков уберегла вовремя подоспевшая перестройка. Явил завидное упорство в борьбе за справедливость. Двукратно уволенный с работы, каждый раз восстанавливался по суду, вгоняя в отчаяние начальство, которому однако, в конце концов, сделал подарок - переехал в Москву. Автор бессмертной фразы «Наша кафедра - лучшая в регионе» (Справедливо. А.К.)

*Людей и народы заставляют делать
выводы из былого; между тем лишь то,
что будет, что предстоит сделать
сейчас, объяснит нам, что, собственно,
было и какое имело значение.*

К. Изиковский

Любила Вешалка со своими «клиентами» тары-бары развести на общую тему жизни, а больше всего – новости кино обсудить. Прекрасно зная вкусы «посетителей», она могла поддержать разговор, вовремя вернуть: «мейнстрим», «камеогерой», «экшн»...

Двадцать лет назад на месте ВЕШАЛКИ стоял деревянный стол, такой же как у всех, а занимала его Волкова Галина Кирсантьевна¹, мой первый лектор и попечитель в стенах КузПИ. Я вел за ней семинарские занятия на механико-машиностроительном факультете. Она восхищалась моей организованностью и однажды по доброте душевной попросила помочь принять экзамены. Я же (по чистоте душевной) завалил, как говорится, не откладывая на потом, первых трех студентов, за что и был удален деликатно из аудитории («Идите, Анатолий Павлович, отдохните на кафедре, вы устали»).

После Галины Кирсантьевны, отъехавшей своевременно в Белокаменную на постоянное местожительство к дочери, за столом некоторое время сидела Белянина Зинаида Аркадьевна², женщина пылкая, эмоциональная, не потерявшая способности – это в условиях-то «развитого социализма»! – смотреть на мир широко открытыми глазами.

Темно-зеленая дубленка турецких «кровей» и черная мутоновая шуба – больших запасов неистраченных чувств – явное предпочтение отдавали мелодраматическим сериалам. Синее демисезонное пальто «правительственного покроя» с длинным поясом любило просто хорошее кино («Пианино», «Трудности перевода», «На обочине»), однако порой лукавило, втягивая окружающих в дискуссии об эстетической ценности «Кинг-Конга». Каракулевая шубка – меховой воротник и такая же оторочка рукавов, дама тонкая, не тят-ляп – обожала «Белое солнце пустыни». Академическое серо-синее пальто с песцовым воротником, купленное в год кириенковского дефолта, могло часами рассказывать о «Лоуренсе Аравийском». Отмалчивалась кожапая

¹ Волкова Галина Кирсантьевна. Кандидат исторических наук, доцент. Специалист по проблемам сибирской социал-демократии начала XX в. Жила в шаговом расстоянии от кафедры, поэтому часто выручала М.С. Грачева в бытность его заведования на заменах у студентов. Галина Кирсантьевна представляла славный род Цециных в КГИ – КузПИ – КузГТУ: ее брат, Михаил Кирсантьевич, почти 40 лет проработал на кафедре РМПИ, племянница Светлана Михайловна (Бугрова) более четверти века трудится на инженерно-экономическом факультете, более 30 лет за плечами племянника Александра Михайловича (ИЭМФ)... Общий же трудовой стаж династии Цециных составляет 150 лет!

² Белянина Зинаида Аркадьевна. Кандидат исторических наук, доцент. Диссертацию защитила в ИУ под руководством Куперта. В Кузбасский политехнический переведена с кафедры истории мединститута Жила в режиме внимательнейшей и нежнейшей опеки со стороны мужа Федора, главного специалиста «Сиромашинны». Перец выходям на пенсию общалась регулярно закармливая кафедратов домашними пирогами. Слово свое не сдержала.

*Прошлое не вернуть! Верните
хотя бы веру в будущее!*

Б. Крутнер

куртка, выдавшая виды. Отмалчивалась, но каждый раз во время разговора о кино волновалась, делала рефлексорное движение рукой, словно намеривалось достать из тяжелой сумки иллюстрации к живописи Старых Мастеров.

Осенью 2005 года «киношный бомонд» вешалки усиленно обхаживал новую мутоновую шубку переливчатых серебристо-серых тонов на предмет обращения в свою веру – Увы! - новичок был полностью устремлен к иным ценностям – поэзии.

Три четверти левой стены занимала система шкафов универсального значения – ГОРКА. В ее центре – отдел для посуды, по бокам – два шкафчика учебной и научной литературы, в том числе «местного разлива» - хрестоматии, учебные пособия, монографии. Среди последних: «Погребально-поминальные памятники ирменской культуры...» С. Ковалевского, «Антропоморфные изображения, связанные с шаманистским культом...» В. Бутьяна, «Под конвоем в шахту» Р.С. Бикметова. Невольно думаешь о том, как далеко упала стрела Христова от первоначального замысла.

В ночном и дневном дозоре, оберегая покой Горки, стояла фигурка древнерусского дружинника эпохи похода князя Олега на Царьград. Как бы крепко не сжимал воин свой щит, как бы зорко не всматривался вперед, убежать от потерь не удалось. Однажды, явно под покровом ночи, прокрался враг и умыкнул коллективное фото в симпатичной рамочке и набор не менее симпатичных рюмок. Впрочем, какие это смешные утраты, читатель, на фоне суммарных ста лет жизни, прожитых кафедрой в первые шесть лет третьего тысячелетия!

Левый угол у окна был Красным. Здесь исстари (насколько автор помнит себя) сидел ЗАВЕДУЮЩИЙ. Его стол от других столов принципиально не отличался, лишняя тумба в основании да пара телефонных аппаратов с перекидным календарем, только и всего.

В начале Миллениума, с 5 марта 2002 г. по 9 марта 2005-го, кафедрой руководил Игорь Менделевич Черноброд¹, мужчина в возрасте молодости старости. Он ввел в штаты 5-х «аграрников» – 4-х археологов и одного специалиста по столыпинской земельной реформе – завершив тем самым смену

¹ Черноброд Игорь Михайлович. Более чем знаковая фигура в истории технического университета и кафедры последних 40 лет. Яркий по части ораторского дарования, входил в идеологическую элиту обкома партии. Исполнительный директор Совета попечителей (с 1993 г.). Создатель эффективной рыночной структуры – строительной фирмы «Унион-инженеринг». Попечительствовал многим творческим объединениям – литературной студии «ЛИСТ», киноклубу «КАДР», хору студентов химико-технологического факультета. Не любил сотовые телефоны. Пожелание первокурсникам. «Здравия ума!» Образом жизни и отношением к излишествам смотрел в долгожителя (герой романа «Доказательство жизни» видит его в 2037 г. еще бодрым стариком с хозяйственной сумкой в районе торговых рядов неподалеку от помпезного – в форме пагоды – здания администрации китайского сектора бывшей Кемеровской области).

*Память – единственный рай, из
которого нас не могут изгнать.*

Жан Поль

культурного кода кафедры или ПЕРЕЗАГРУЗКУ МАТРИЦЫ, начатую горбачевской перестройкой. При нем было издано 8 монографий и вошли в привычку междусобойчики на Новый год и Восьмое марта, удачно совмещаемое с 23-м Февраля. Холодец и баранинка под горчичку вкупе с бокалом красного вина много хорошего сберегли в душах людей, в усмерть замотанных работами на трех работах, много лиц уберегли от преждевременного старения.

Организационная работа лежала на плечах блондинки средних лет, зав. кабинетом Г.В. Борисовой, располагавшейся справа от заведующего кафедрой.

Полированная поверхность ее стола была скрыта документацией разного рода – папочки, выписки из расписания, рабочие журналы преподавателей... да чего там только не было! Мир канцелярских скрепок, кнопочек, ластиков, очищенных карандашей, авторучек, блокнотов, листочков. А еще свежие номера «Комсомольской Правды», «Фильма», гламурных журналов так и прыгали в руки любителей свежей прессы. Галипа Васильевна была человеком императивного начала, за что ее многие побаивались. По силе материнского инстинкта стояла вровень с Кайли Пратт (Джоди Фостер) из «Иллюзии полета». 7 марта 2006 г. при общем собрании кафедрального народа назвала зимнюю шапку доцента Н «облезлой», заслужив гневную отповедь последнего: «Никакая она не «облезлая», и вовсе не «облезлая», а если и облезлая, то чуть-чуть – снизу, сверху же – вообще отличная шапка, которую он, доцент, носит лишь 8 лет!».

Хотела в старости выглядеть так же, как Элина Быстрицкая на обложке майского журнала «Биографии» за 2007 г.

Справа от зав. кабинетом скромно и сдержано сидела ее дочь Маргарита, молодая особа 27 лет от роду, в более юные годы тонкостью профиля и изяществом фигуры воспарявшая к Кэмерон Диас и Жаклин Кеннеди. В 2006-ом Маргарита защитила кандидатскую диссертацию, вышла замуж за славного беленького паренька с «Азота» и родила сына.

Три больших окна – это дальше по периметру - забранные шторами золотисто-желтого, «королевского» цвета ажурной набивки - давали в дневное время много ровного и спокойного света. Среднее окно ранними веснами, этак в районе Евдокеи-Плющихи, часто приоткрывали по просьбе трудящихся для притока свежего воздуха, столь полезного ослабшим за год обитателям 220-ой.

Спиной к окнам, лицом к входной двери и при этом в профиль к ЗАВЕДУЮЩЕМУ, за одним столом теснились два доцента - А.П. Ковалев и

Нужно найти смысл и в бессмыслице: в этом неприятная обязанность историка; в умном деле найти смысл сумеет всякий философ.

В.О. Ключевский

М.С. Грачев, лично знавшие в молодости академика Машковского¹.

Анатолий Павлович² носил джинсы и кожаный пиджак черного цвета, гордился фразой «А что вы хотите? Я родился в середине прошлого века!», одним словом был сентиментален и графоманен. Лекции читал горняцким специальностям, постепенно приходя к убеждению в бесполезности своей миссионерской деятельности. Наблюдая геометрию внутренней части главного корпуса, первым из историков заметил его сходство с Алексеевским Равелином. Составитель музыкальных «меню» междусобойчиков 2002-2006 годов. В марте 2005-го пророчески поставил хит группы «Бутырка» «Запахло весной» – через неделю сменилось руководство кафедры. Стремился к некой упорядоченности, смысл которой, впрочем, не смог бы сформулировать отчетливо даже с третьего раза. Специалист по дикороссам – папортнику-орляку, луку-черемше (колбе), шавелю. А его березовый сок на апельсиновых корочках высоко ценили докторант Р.С. Бикметов и профессор В.А. Шаламанов.

Михаил Семенович Грачев, сосед Анатолия Павловича, подвергал свою жизнь непрерывным испытаниям, любил, как говорится, подогнуть судьбу под колено. В молодые годы сильно походил на Роберта Редфорда, в зрелые – на Микки Рурка. В работе со студентами мощно задействовал систему докладов и рефератов, мастер жанра.

Открытой лекцией (апрель 2005-го) дал повод доценту Ковалеву и профессору Горелову³ бурно поспорить на тему, что было первым, яйцо или курица. В бытность своего заведования (весна 1987 – осень 2001 – рекорд, неподвластный времени!) на собраниях торопился взять слово. Говорил долго, искусно сплетая слова и смыслы, томил аудиторию ожиданием конца.

Всю жизнь прожил в Красновке, в двух шагах от главной водной артерии Кузбасса. Любимое выражение 90-х годов ушедшего века – «Искать варианты».

¹ Машковский Владимир Петрович Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой культурологии КемГУ. Самая харизматичная фигура среди гуманитариев Кузбасса 80-х годов XX – начала XXI века Гений общения. Автор многих трудов по истории культуры. Рано ушел из жизни

² Ковалев Анатолий Павлович Родился 24 октября 1952 г. в городе Марининске, что на реке Кисе. Кандидат исторических наук, доцент. Служил в армии (наземные войска ВВС), учился на рабфаке, закончил исторический факультет КемГУ, работал на освобожденной комсомольской должности, в Кемеровской спецшколе. С августа 1981 г. – на кафедре отечественной истории КузПИ (ныне - КузГТУ). Активный участник литературной студии «ЛИСТ», автор книг «Гальник и гравий» (Кемерово, 1999), «Две повести о любви» (Кемерово, 2003), «Пленники Камелота» (Кемерово, 2003, 2006), «Старые мастера» (Кемерово, 2007).

³ Горелов Ю.П. Доктор исторических наук, профессор (с осени 2004 г.). преподаватель из Кемеровского государственного университета. Приглашен И.М. Чернобродом для придания политеху еще пушшего научного блеска. Высок и крупен. На кафедральных посиделках 2002-2005 гг. любил потанцевать под «Шоколадного зайчика» И.И. Нарцисса

*История – слишком серьезное дело,
чтобы доверить ее историкам.*
И. Маклеод

В отсутствии Анатолия Павловича и Михаила Семеновича стол некоторое время занимал молодой преподаватель В. А. Бутьян, подающий большие надежды. Он был прекрасным знатоком шаманистского культа, о чем свидетельствовала одноименная монография, и мог без запинки (простому человеку погребовалась бы помощь Мариинского ликеро-водочного!) выговорить имена всех ацтекских богов, даже такого как МИГОНКУГАНЬКОАЛЬКТЕНАТЧЕЛАН.

Вплотную, стык в стык со столом двух доцентов в правом углу под Благодарственным Письмом в адрес И. М. Черноброта за поддержку филармонии Кузбасса, стоял стол Веры Михайловны Артемьевой, женщины неспешной и толерантной. Она попала в крутую смену эпох пишмашинки компьютерами, сканерами, принтерами, не стусевалась, явив недюжинное самообладание и техническую сметку. Подселила в 220-ю десяток горшков с цветами, любила внука Мишку и удивлялась быстрой истощаемости картриджей и блоков с дискетами («пишут и пишут!»). ЕДИНСТВЕННАЯ, кто похвалил Ковалева А.П. за выступление на теоретическом семинаре с докладом о проблемах новейшей историографии Великой Отечественной войны: «Молодец!»

Слева от Артемьевой в начале Миллениума сидела доцентша Гаврилова, обратившая на себя внимание уже в студенческие годы – в курсовой работе обстоятельно проанализировала письма В. И. Ленина к Инессе Арманд. Коллективное бессознательное в душах кафедралов обожало Наталью Петровну, автора первой монографии, изданной в рыночных условиях, и мать троих детей, с годами приобретающую сходство с Сарой Джессикой Паркер. Приходила на заседания кафедры задолго до их начала (шутка). Несмотря на некоторую неуверенность, которая, если верить раннему Евтушенко «опасна», Наталья Петровна в принципиальных моментах своего кафедрального бытия уподоблялась протопопу Аввакуму. Производила впечатление «непогашенной Луны». Высоко ценила стиль моих «Старых Мастеров», называла его «завораживающим».

В своем фрондировании перед властью доцент Гаврилова ощущала молчаливую поддержку слева, от соседки, «матери» ПАЛЬМЫ¹, заслуженного работника высшей школы Т.А. Кузнецовой², имевшей принципы в клас-

¹ Финиковая ПАЛЬМА высажена косточкой в 1972 г. К 2006 г. вымахала в гигантское растение. В 2001 г. пересажена из деревянного ящика в большое бежевое кашпо. Росла в атмосфере сердечного внимания со стороны историков и культурологов. Талисман кафедры.

² Кузнецова Гатяна Алексеевна. Кандидат исторических наук, доцент. Семнадцать лет положила на алтарь учебно-методической работы. Один из авторов учебного пособия «Русь-Россия-Российская империя». Вместе с доцентом Л.Н. Гвоздикиной и профессором Г.Т. Девякинским принята по этому поводу Аманом Гумировичем Лучевым. Рукоположена. Посеребрила медали команды технического университета на Олимпиаде Кемеровской области (1995). В отличие от О. Бендера отцом русской демократии считала В.Н. Шуisky. Похожа на актрису А. Фрейндлих с перспективой эволюции в Карлу де Понте. По собственному признанию любима и любима и окрошена.

Не говори: «Отчего это прежние дни были лучше нынешних?, потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом».

Екклесиаст, 7, 10

сическом понимании этого слова. В осязаемой близости от гроссмейстера методической работы располагалась Вера Леонидовна Правда¹, хрупкая, изящная женщина средних лет, во всем остальном – выдающаяся: поэтесса, автор сказок для детей, тонкий аналитик современной культурной социодинамики. Ее доклад «Икона и телевидение» (апрель 2005-го) произвел явное шевеление кафедральной атмосферы. Автор «Пленников Камелота», пройдя с Верой Леонидовной тур вальса, на новогоднем вечере пять лет назад, конечно, в отсутствии мужа, готов подтвердить наличие у партнерши природного чувства ритма. А еще Вера Леонидовна начинала дискуссии вопросом: «Ну, почему?», интонационно выделив последний слог.

Напротив Веры Леонидовны в 2002-2006 гг., за одним столом, сидел С.А. Ковалевский², выпускник исторического факультета КемГУ, ученик великого Анатолия Ивановича Мартынова.

Слева от доцента Кузнецовой обретались филологи, специалисты по русскому языку и культуре речи Л.П. Грунина³, И.А. Долбина, О.А. Наймушина, С.С. Сермягина. Они были Белым Отрядом воинства Христова на защите Слова, призванные нанести поражение Словарям Эллочек Людоедок и Митрофанушек Речеглотов.

Кандидаты филологических наук Людмила Петровна Грунина и Ирина Александровна Долбина в марте 2005 г. издали монографию⁴, два слова в названии которой впечатлили автора этих строк. Он, во-первых, восторгался бритвенной определенностью термина «КОНЦЕПТ», и, во-вторых, искренно недоумевал по поводу БРАТА, точнее, отсутствия у последнего инвентарного номера – три, четыре или пять?!

¹ Правда Вера Леонидовна. Кандидат исторических наук, доцент. Вместе со своим мужем Правдой А.В., членом Союза Писателей РФ, руководит студией «Лист». Вере Леонидовне неизвестным автором посвящены такие строки: «За них веками выступали // Царей, бывало, убивали // В Сибирь их всех везли в вагоне // У нас же есть в одном ФЛАКОНЕ! (Вера. Правда)

² Ковалевский Сергей Алексеевич. Кандидат исторических наук, доцент (с апреля 2005-го). Принят на работу по рекомендации Осипова В.А. Показал себя ответственным, исполнительным преподавателем. Сразу же понял что к чему. Добросовестно принес себя в жертву: во-первых, долгое время сидел на месте практически незащищенным от прямого начальствующего взора ни УГОЛКОМ, ни ПАЛЬМОЙ в отличие от других, во-вторых, согласился перевестись по причине внезапно открывшейся нехватки часов на кафедру «Сервиса и туризма», в «Царство женщин». Автор монографии «Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины» (Кемерово, 2004) Рекордсмен КузГГУ по скорости подготовки и издания учебного пособия – семь дней. Такое не забывается.

³ Грунина Людмила Петровна. Кандидат Филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяноведского языкознания КемГУ. Ей посвящены строки. «Начать и начать // Начать и начать / Студентам Грунина стремился объяснить // Не понимая, что они лишь могут начать // Но вот никак не могут углубить»

⁴ Долбина И.А., Грунина Л.П. Художественный концепт БРА1 в индивидуально-авторской картине мира СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА (на материалах романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Смешные истории

У кассы, или как декан Богомолов доцента Ковалёва удивил

Первого июля 2002 г. выдавали отпускные. Суммы получались солидные, поэтому я был наряжен кафедрой в «караул» для охраны общественного кассира. Стою я, словно секьюрити из кинофильма «Телохранитель». Народу же мимо кассы по коридору в главном корпусе ходило много и шумно, что отвлекало меня, мешало сосредоточиться на подсчете, сколько дадут, выходило почему-то сильно меньше, чем требовалось для беззаботного летопроживания. Нервы мои, естественно, играли, как русская балалайка.

Краем глаза вижу, как ко мне с сияющим лицом направляется человек внешности пана Володиевского из одноимённого романа Г. Сенкевича, только постаревший лет на 20. Ба! Это же декан горно-электромеханического факультета Богомолов собственной персоной! Он подходит почти вплотную, крепко жмёт руку и говорит: «Поздравь! Мой сын у тебя историю сдал!»

– «Поздравляю!» – говорю.

– «Сидел у окна в первом ряду за четвёртым столом, всё списал и сдал на «четыре!» - продолжает Игорь Дмитриевич.

– «Толковый хлопец, – отвечаю я опять Богомолу. - Обычно на четвёртой у окна у меня больше чем на тройку никто и не списывает».

Как дрозды профессора зауважали

Дрозды обнаглели. Словно эскадрилья «Лафайет» из бездонной сини неба пикировали они на грядки спелой клубники. А потом важно расхаживали, выклевывали ягоды и нахально поглядывали в сторону хозяев: знай, дескать, наших!

И.Д. Богомолов, профессор кафедры горных машин и комплексов, чего только не делал: чучело снарядил, сына в дозор снаряжал, жену заставлял руками хлопать – дроздам хоть бы хны!

Тогда Игорь Дмитриевич, Заслуженный Изобретатель Российской Федерации, самолично уложил между грядками, привезенные из дому осколки зеркал, оставшиеся после ремонта ванной комнаты.

И когда «лафайеты» в очередной раз свалились в пике, предвкушая десерт, из глубины зеркал им явились чудища с клювами и когтями. В ужасе отлетели дрозды за периметр садоводческого товарищества. Однако, успокоившись и произведя какую-то аналитику в своих птичьих мозгах, они вновь появились на богомоловской даче. Но к грядкам клубники теперь подходили сбоку и с некоторой опаской. А в сторону профессора поглядывали, кажется, с уважением.

Обмен по-киевски

Эту историю когда-то рассказал мне зав. кафедрой технологии строительного производства, к сожалению, ныне покойный К.Г. Харченко.

В сентябре 1981 г., будучи в Киеве на курсах повышения квалификации, Константин Григорьевич любил после занятий проехать в троллейбусе по Крещатику. Место занимал обычно у окна с правой стороны. Он долгим, ласкающим взглядом смотрел на осенние каштаны и жадно улавливал мову, речь его далеких предков с «неньки-Украины».

Во время одной из таких поездок Константин Григорьевич обратил внимание на женщину средних лет, сидящую перед ним. Она держала на коленях торт «Киевский» и рассеяно, даже печально, глядела перед собой. Ехавшие в троллейбусе, как заметил доцент Харченко, задерживали взгляды на «Киевском». Торт был кулинарным хитом столицы Украины. Чтобы купить его, очередь занимали с раннего утра и раскупали в драку-собаку.

На одной остановке в салон вошло трое парней с двумя большими тортами в руках, но явно не «Киевскими». Они, словно замороженные, уставились на даму, точнее, на коробку с кулинарным шедевром и о чем-то тихо переговаривались.

Троллейбус тем временем мягко катил по Крещатику, останавливаясь в положенных местах, высаживал одних и брал других пассажиров.

У памятника Богдану Хмельницкому тоже была остановка, на которой все и произошло. В момент открытия дверей парни «поменяли» даме «Киевский» на свои два больших, обыкновенных и в считанные секунды выскочили из салона. Троллейбус, лязгнув дверями, тронулся с места, набирая ход.

Вагон онемел, а потом зашумел, обсуждая случившееся. А женщина с тортами на коленях вдруг запричитала: «Васенька!», «Васенька!». Оказалось, в коробке из-под «Киевского» она везла мертвое тельце своего кота на кладбище для животных. Жаль, что успокоиться любимому Васеньке (читатель, без смеха! Здесь - маленькая человеческая трагедия!) предстояло на свалке городских отходов.

Хватит до деканата!

Однажды доцент кафедры ТСП Константин Григорьевич Харченко принимал экзамен. У студента на среднем ряду он заметил длинную шпаргалку, торчащую из кармана. Он подошёл и говорит: «Достанет шпаргалка до стены – получишь «четыре». Студент: «Нет, Константин Григорьевич, если на то пошло – ставьте «пять». «Это ещё почему? – удивился экзаменатор. «А моей шпаргалки, – поясняет студент, – до деканата хватит!»

Оказавшие сопротивление

Во второй половине 50-х начале 60-х годов деканом ГОМФ был Иван Фёдорович Бычков.

О Быкове первокурсник узнавал от своих старших товарищей в день зачисления. Репутация декапа была однозначной. В борьбе за образцовый

учебный процесс он гонял прогульщиков в хвост и гриву, безжалостно лишал стипендий, жёстко спрашивал с отстающих.

В своём неистовстве проконтролировать и зарекомендовать всё и вся декан ГЭМФа, очевидно, заходил далеко за грань здравого смысла. Студенты это чувствовали. Не решаясь на открытые формы протеста, они тем не менее сопротивление оказывали. Однажды в туалете появилась надпись: «Воду из унитаза не пить. Бычков».

Метод актуализации

Заметной фигурой институтского социума 50-60-х годов прошлого века был Анатолий Владимирович Евстифеев, зав. кафедрой графики

Аудитории, переполненные крепкими горняками, буквально немсют перед человеком среднего роста, в очках, с седой шевелюрой. Студенты ловят каждое слово, фиксируют каждое его движение у доски.

В Анатолие Владимировиче трепетали таинственные силы.

Порой Евстифеев использовал следующий метод актуализации материала. Тонко прочувствовав, прежде всего психологически, момент, действуя на грани допустимого, он говорил: «А теперь, товарищи студенты, этот участок заштри... Тут он перебивал самого себя, спрашивал аудиторию: «Что сделаем?» Ну и поток будущих горных инженеров, разбавленный несколькими представительницами прекрасного пола, заморожено откликнулся на вопрос, произнося нестройным, но мощным хором последние четыре буквы в слове «заштрихуем». – «Нет, нет, товарищи студенты, - негерпеливо поправлял их зав. кафедрой, - мелом, мелом!»

Бойлы профессора Дырдина

О значении бойлов в ловле сазанов и карпов в свое время рассказал мне зав. кафедрой физики, профессор В.В. Дырдин. «Бойлы, - терпеливо объяснял он, - это прикорм и насадка одновременно. Без них рассчитывать на успех – просто невозможно».

Валерий Васильевич не только обозначил актуальность «бойлов», но и откатал на ксероксе статью, в которой подробно рассказывалось, как эти самые «бойлы» приготовить в домашних условиях, поскольку в продаже цены на них кусались.

Состав «бойлов» действительно впечатляет: кукурузная и соевая мука высшего качества, естественно, манка качеством не ниже, яйца, протенин, сливочное масло, ванилин, соль, сахар. Смешивая названные компоненты в установленных пропорциях, я приготовил вязкую массу, выкатал из нее шарики размером в четверть грецкого ореха и в течение грех часов пропекал их в жаровочном шкафу. Приготовленные таким образом, «бойлы» хранятся в холодильнике, но не теряют качества и при длительном хранении на открытом воздухе.

Наконец, пришло время испытать приготовленное в деле.

Второго августа 2002 г. я выехал на рыбалку в Курью, пожалуй, самую знаменитую Курью Кемеровской области, неподалеку от деревни Пятково Юргинского района. Здесь уже был положен глаз на одно место, часть протоки между островками в западной части Курьи. Знакомые мужики баяли, что по весне в сети попадался крупный сазан.

Вот в этом месте я и расположился со своими «бойлами». Два дня «караулил» Курью, ожидая нашествия сазанов. Вволю нахлебался ухи из окушков, до хруста в суставах нагребся на лодке, сделал пару приличных снимков водной глади в лучах заходящего солнца.

А сазаны где-то набирали вес, чтобы порадовать меня в скором будущем сильными рывками и борьбой кто кого. В этом я не сомневаюсь

«Бойлы» я привез назад домой, в Кемерово. Выложил их в пакете на кухне, а сам ушел на балкон пристраивать рыбацкую амуницию. Вернувшись, увидел такую картину: жена ест шарики и кота ими потчует. «Ой, Палыч, - говорит, - какой ты вкусный Вискас купил!». «Какой Вискас, - говорю, - какой Вискас. И вовсе не Вискас это, а «БОЙЛЫ ПРОФЕССОРА ДЫРДИНА!»

Бэз

Одного преподавателя физической культуры в 60-е годы прошлого века звали Бэзом – за привычку говорить студенту, не сдавшему зачёт по предмету: «Бэз зачёта!», «Бэз стипендии!».

***ОБ ИСТОРИИ, О ЕЕ ЗНАЧЕНИИ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ,
О РАЗНЫХ ГРАНЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ***

Собрал: А. Ковалев

1. «Чему может научить история? Не повторять прежних ошибок? Мы их повторим все – равно! Гордости? Гордиться можно /и даже легче/ незнанием! Или это продление жизни, мысленный, зримый воображению путь через столетия? И даже поняв цепь причин и следствий, железную череду этнических смен, взлетов и падений, в которые выстраивается, наконец, познанная нами история человечества, даже поняв, повторяю, можем ли /тем более!... можно ли изменить сущее, спасти от гибели уставший народ, перечеркнуть предназначенное природой... И однако, не в этих ли вечных стремлениях перечеркнуть, воспрепятствовать, выстоять, воскреснуть не в них ли подлинная жизнь, и все иное – лишь тень ненасытных облаков на любимом лице?».

(Д. Балашов)

2. «Здесь шла борьба на смерть

Они дрались за место,

И право наблевать

За праздничным столом.

Спеша стать сразу всем,

Насилюя невесту,

Стреляли наугад и

Лезли напролом».

(А. Башлачев)

3. «Ставили артелью – замело метелью.

Водки на неделю да на год похмелья.

Штопали на теле – к ребрам пришивали.

Ровно год потели да ровно час жевали».

(А. Башлачев)

4. «Мы спрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее, и намекнуло о нашем будущем».

(В. Г. Белинский)

5. «Технари не ученые. Единственный результат перенесения научной методологии в дела человеческие... высокомерие. Большинство ученых вламывается в политику и экономику пребывают в жалком неведении о сути вещей, о которых они берутся судить. Какова психология этого высокомерия? Случается следующее: ученые, решив проблему в какой-нибудь области, считают, что они способны в мгновение, на их взгляд, решить куда более сложные проблемы. Дела человеческие – ничто по сравнению с молекулами и генетическими структурами. Они считают, что мы шайка юристов, которые надумывают проблемы, там где их нет».

(З. Бжезинский)

6. «Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмамена».

(И. Бунин)

7. «...произойдет огромное расточение богатств, труда, даже человеческих жизней. Однако сила России и тайна ее судьбы в большей своей части заключается в том, что она всегда имела волю и располагала властью не обращать внимания на траты, когда дело шло о достижении раз поставленной цели».

(К. Валишевский)

8. «Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории».

(В.М. Васнецов)

9. «Большинство бед и проблем, терзающих страну и народ... имеют длительную предысторию, неоднократные проявления в прошлом, устойчивость и укорененность в национальном бытии».

(Ю.Н. Власов, современный философ)

10. «Бесчеловечность, узкое безобразие немецкого рейтера и мелкая подлая фигура немецкого бюрократа давно срослись у нас с широкими, монгольскими скулами, со звериной безраскаянной жестокостью восточного раба и византийского евнуха».

(Герцен о самодержавии)

11. «Необходимость централизации была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства.... События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой, – но какой ценою? Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни».

(А.И. Герцен)

12. «Оно их не знает, забыло, не любит, отрекается от них, как от людей менее практических, дельных, менее знавших, куда идут; оно на них сердится и огулом отбрасывает их. как отсталых... Мне ужасно хотелось бы спасти молодое поколение от исторической несправедливости и даже от исторической ошибки».

(Герцен)

13. «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл бытия – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперед».

(А.И. Герцен)

14. «... деяния современные взвешиваются потомством...»
(Ф. Глинка)
15. «История – это роман, бывший в действительности».
(Гонкуры)
16. «Беспечны, безучастны, беспризорны
Российские безмерные пространства,
Бескрайно и безвыходно просторны,
Безмолвны, безнадежны и бесстрастны».
(И. Губерман)
17. «Добро и зло в глухих веках
Так перепутались путями,
Что и чистейшие дела
Творят грязнейшими руками».
(И. Губерман)
18. «Нам глубь веков уже видна
Неразличимая детально,
И лишь историку дана
Возможность врать документально».
(И. Губерман)
19. «Российский жребий был сурово
Однажды брошен волей бога:
Немного – западней Востока,
Восточней Запада – намного».
(И. Губерман)

20. «И тот, кто исследует историю, и тот, кто ею интересуется, не может быть равнодушен к материалу: история повествует о людских свершениях. Жизнь общества – это не только естественно-исторический процесс, но и всемирно-историческая драма. За каждым фактом – судьба человека. Интерес к истории – это интерес к человеку».

(Арсений Гулыга)

21. «История – это почти сплошная цепь ужасов. При жизни тирана эта наука не в чести, однако преемники его позволяют обнародовать злодеяния их предшественника: новым деспотам надо как-то смягчить отвращение, которое они вызывают сами, а ведь единственное средство утешить народ – это внушить ему, что его предкам жилось так же хуже, а то и еще хуже»

(Де Шамфор)

22. «Власть в России – это тирания, время от времени прерываемая удавкой».

(Жермена де Сталь)

23. «Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить: но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность».

(И. Ильин)

24. «История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество».

(Н.М. Карамзин)

25. «История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь создавая царства и представляя воображению ряд веков с их страстями, нравами деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия».

(Н.М. Карамзин)

26. «Без знания истории мы должны представить себя случайностями, не знающими, откуда мы пришли в этот мир, ради чего мы живем и к чему должны стремиться».

(В.О. Ключевский)

27. «Предмет в истории – то в прошедшем, что не проходит – наследство, урок, неоконченный процесс, вечный закон. Изучая предков, узнаем самих себя».

(В.О. Ключевский)

28. «Для чего нужна история? Для человеческого самопознания».

(Дж. Коллингвуд)

29. «Не восхищаться, не любоваться историей прошедшей жизни, а понимать ее».

(Н.М. Костомаров)

30. «Ученые тшятся поныне
Услышать и то, что мертво
Прочестъ на изрезанной глине
Восточных владык хвастовство.
Внушая потомкам надежду.
В раскопках узнать, например,
Изменилась ли разница между Россией и СССР».

(С. Липкин)

31. «Поскольку Клио пишет начерно, то кляксу
Она еще поставит не одну.
К примеру, рассчитали все по Марксу,
А получилось все по Щедрину».
(Ю. Лобов)

32. «Я думаю, что все навыки, все знания люди накапливают для того, чтобы принести больше пользы родине; и богатства они умножают из честолюбивого стремления истратить их для блага отчизны».
(Лукиан)

33. «История – это деятельность человека, преследующего свои цели».
(К. Маркс)

34. «Хлеб истины и сух и горек.
Но трижды сух и горек хлеб.
Надломленный тобой историк.
На конченом пиру судеб».
(Неизвестный автор)

35. «Чреду веков питает новость
Но золотой ее пирог
Пока преданье варит соус
Встает нам горла поперек».
(Б. Пастернак)

36. «Не быть творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье:
Дух – создал старое, лишь в старом он найдет
Основу твердую для нового решенья».
(К. Победоносцев)

37. «В будущее мы входим пятясь. История - не наука, это искусство. Место ее среди муз. Кто в расчете на непостижимое будущее решает строить свои действия, тот погиб. Не будь Бонапарт одержим историей Цезаря, то не провозгласил бы себя императором. Он был страстным любителем исторического чтения. И этот человек, созданный, чтобы творить, заплутал в перспективах прошлого. Он пал, как только уклонился от непроторенного пути».
(Поль Валери)

38. «Два чувства дивно близких нам,
В них обретает сердцу пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».
(А.С. Пушкин)

39. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

(А.С. Пушкин)

40. «Нам не нужна история, кроме той, что дал Бог».

(А.С. Пушкин)

41. «История - это учительница жизни».

(А. Л. Сенека)

42. «История не терпит суесловья

Трудна ее народная стезя.

Ее страницы, залитые кровью,

Нельзя любить бездумною любовью

И не любить без памяти нельзя».

(Я. Смеляков)

43. «Истинная слава не может быть отыскана, она проистекает из са-
мого пожертвования на пользу блага общего».

(А.В. Суворов)

44. «А тут рабское терпение и такое количество пролитой дома крови
утомляет душу и сжимает ее печалью. И я не стал бы просить у читателей в
свое оправдание, кроме позволения ненавидеть людей, так равнодушно поги-
бающих».

(Тацит. Летопись. Книга 6)

45. «Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер,
который выше всех нас и который... выполнял ее до сих пор довольно ус-
пешно. Истинный защитник России – это история: ею в течение 3-х столетий
разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою
таинственную судьбу».

(Ф. Тютчев)

46. «Одной цепи я вижу звенья,

Сработанные не вчера:

И мировые потрясенья

И горе одного двора».

(В. Федоров)

47. «...Запово изучать историю России, любовно вглядываться в ее
черты, вырывать вклады, закопанные в ее земле».

(Г. Федотов)

48. «Наша история снова лежит между нами, как целина, ждущая плуга... Национальный канон, установленный в XIX веке, явно себя исчерпал. Он давно уже звучит фальшью, а новой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи...»

(Г. Федотов)

49. «У всякого народа есть Родина, но только у нас – Россия».

(Г. Федотов)

50. «Не забывайте рода своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением памяти о них».

(Флоренский Павел)

51. «Не знать того, что было до тебя, значит навсегда остаться младенцем».

(М.Т. Цицерон)

52. «Пора бросить ясный взгляд на наше прошлое. Ведь прошедшее определяет будущее; таков закон жизни. Отказаться от своего прошлого значит лишить себя будущего».

(П.Я. Чаадаев)

53. «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами».

(П.Я. Чаадаев)

54. «Россия – это загадка, покрытая тайной, окутанной в туман».

(Черчилль)

55. «Мы очень привыкли в науке и технике к такому решению задачи: идея – детальный план-модель или эксперимент и, наконец, воплощение в жизнь. На этом чисто реалистическом пути действительно создаются и заводы, и атомные бомбы, но никто не создал ни нового растения, ни животного. Жизнь творится какими-то другими путями, а история – это форма жизни».

(И. Шафаревич)

56. «История учит тому, откуда есть пошла Русская Земля, экономика – куда она теперь пойдет есть».

(Шутливое)

57. «История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому уму».

(К. Ясперс)

М. Шуфутинский. Пойду однажды по Руси.

Пойду однажды по Руси,
Ни направленья, ни когомки,
Пускай дождливо моросит,
Пускай осенние потемки.

Русь далекая, Русь глубинная,
Все овражная, да рябинная,
Все сермяжная, да степенная,
Да по праздникам забубенная.

Пойду, мне нечего скрывать,
Неторопливыми шагами,
Не водку пить, не воровать,
А просто так идти лугами,
Душистыми лугами.

Русь далекая, Русь глубинная,
Все овражная, да рябинная,
Все сермяжная, да степенная,
Да по праздникам забубенная.

Да покорная, да иконная,
Да на каторге – миллионная,
Да отцовская, окаянная
Золотая тоска баянная.

АНАТОЛИЙ КОВАЛЕВ**ИЛ И СЕТИ**

Старик проснулся, как всегда, рано и долго лежал, прислушиваясь к шуму за окном. Начало октября 2027 года выдалось обильным на дожди и один из них сейчас шелестел крыльями по стенам дома, просился вовнутрь.

Старик с тревогой вспомнил о прохудившейся крыше, пропускавшей воду, о том, что нужно встать и подставить ведро. Но вставать, тем не менее, не торопился, лежал и лежал, вглядываясь в бледный ситец октябрьского деревенского утра. Мокредь за окном, правду сказать, сама по себе мало беспокоила Старика: скудный урожай рябины в лесу давно сказал ему о неизбежном, пусть и кратковременном, возвращении теплой погоды перед Покровом.

Он долго смотрел через оконный проем на старый тополь. Потом взгляд Старика постепенно переместился внутрь дома, заскользил по полкам с книгами, фотографиями на стене, пока, наконец, не задержался на иконе Богородицы с младенцем, висевшей в красном углу. Икона была старой, никак не раньше начала XX века и досталась ему от родителей, которым, в свою очередь, перешла от бабушки по материнской линии. Старик, как и всякий истинно русский человек, кающийся грешник, мысленно сотворил молитву: «Отче наш, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя, грешного!» Старик давно уже нуждался в Боге и часто обращался к нему в своих мыслях и мечтах.

Вставать не хотелось, но все-таки пришлось из-за зябкой сырости, наползающей с углов. Старик вышел на кухню, где в печи с приоткрытой дверцей изготовились для своей утренней миссии березовые дрова. Быстро занявшись от бересты, приготовленной с вечера, они наполнили печь веселым, ровным гулом, согрев окружающее пространство теплом. Некоторое время Старик не закрывал дверцы, смотрел на огонь, протянув к нему костяшки пальцев.

Робкий свет занимающегося октябрьского утра проникал в комнату, вытесняя полумрак, позволял рассмотреть фигуру, сидящую у печки, большой стол с посудой, настольную лампу. У ног Старика уже терся пушистый кот, пел свою утреннюю песенку, торопил с завтраком. Его хозяин тоже подумал о завтраке и встал, разминая затекшее за ночь тело. Он накинул на плечи старый, выдавший виды дождевик, обул резиновые сапоги, вышел на крыльцо.

Было тепло. С трудом верилось, что через десять дней Покров возможно, с первым снегом, первой мерзлой стынью под ногами. О холоде думать не хотелось, мысли норовисто заворачивали в сторону возможности последний раз погреть на солнышке старые кости. Тел болес, что этот «последний

раз» был реальностью: с южной стороны, со стороны Мохово, из-за Томи, ширилась полоса светлого, свободного от туч и дождя неба.

На дворе рядом с баней и дощаником для сетей шастало собачье существо со странной для деревенского уха кличкой Дипаль. Старик никому не раскрывал его тайны и отшучивался ссылками на модные в начале XXI века бразильские сериалы. Увидев Старика, существо завияло хвостом, подошло, лизнуло руку, преданно заглянуло в глаза.

Старик взял ведро и осторожно, нащупывая ступеньки, одну за другой, стал спускаться в погреб-ледник. Ледник был гордостью двора. В свое время пришлось звать на помощь брата, живущего в городе. Была осилена большая работа: устроен глубокий четырехметровый погреб, на дно которого лег ледяной пласт, присыпанный сверху опилками. «Холодильник» получился славный, даже доступ к нему не через лаз сверху, а шел спуском, полого, закрывался дверью из толстых плах – шестидесятки.

Старик открыл тяжелый замок. Дверь подалась, явив глазу большую, не меньше 50 килограмм, кучу замороженной еще с майского нереста рыбы. В своем последнем единении лежали окуни, плотва, щуки, лещи. Справа от них, в дальнем углу ледника, чуть наособь кадушки с солеными груздями, под брезентом, находился «нз» старицкой «экономики» пяток крупных сазанов и шесток таких же крупных судаков. Сберегались сазаны с судаками для особых случаев приездов детей с внуками и еще более редких приездов друзей молодости.

Старик нагреб полведра плотвы с окунями, накопал груздей из кадушки в целлофановый мешочек и поспешил от холода наверх к свету и теплу.

Надо было возвращаться в дом. Однако Старик зашел еще в небольшой огород, пошептался с цинниями, хрустнул на остатках зубов сочной «моховской» редиской. Прихватив негнушимися пальцами пряного укропа, он недовольно покосился в сторону разросшегося хрена, теснившего белокочанную капусту. Капуста в этом году выдалась просто отменная, кочаны – тугие, готовые лопнуть при первом прикосновении.

Каждая из культур на старицком огороде несла в себе метафору, соединяя его угадывающими воспоминаниями с людьми в прошлой жизни.

«Лишь циннии ответят на вопрос // Когда ударит в первый раз мороз. Лишь циннии прошепчут в темноте // Той имя, что нужна тебе...». – Старик вспомнил собственные строчки, сочиненные аж в конце прошлого века, когда он был молод, гибок членами и не скрипел ревматически суставами.

Пока на теплой печке в глубокой эмалированной кастрюле под бдительным присмотром кота размораживалась рыба, хозяин дома вновь вышел на улицу. Стало совсем светло, яркое солнце решительно геснило остатки ночной хмари за горизонт, подальше от Пяткова. «Рябиновый» прогноз сбывался.

Долгим взглядом, в котором прочитывалось недоумение по поводу опоздания с завтраком, посмотрела лайка, даже гявкнула, повея мордой в сторону и наострив уши. Не замечая ее, Старик подошел к дощанику, отворил обе створки двери.

В полумраке, иссеченном яркими полосками света из щелей, были различимы сети, висящие на стене, старая латаная-перелатаная резиновая лодка, бредни, морды, верши, палатки - в дощанике хранились рыбацкие принадлежности, с которыми Старик прожил свою жизнь.

Он вошел вовнутрь, подошел к сетям, коснулся их пальцами, вдыхая запах ила и водорослей. Последние пахли аптекой. Сети имели для Старика священный смысл, лежащий абсолютно вне их экономического значения и сравнимый только с почти забытым, юношеским восторгом перед августовским звездопадом.

Старик любил сети, многие звал по именам - «Непутеха», «Надя», «Миша», «Лось» и разговаривал с ними, как с родными существами.

Вот и сегодня он пожурил «Непутеху» за частые перекручивания в воде. «Надю» похвалил за «ловкость» - плотва цеплялась в «Надю» словно ошалелая. Нашлось и теплое слово для «Миши» - не шибко уловистый, он, тем не менее, не «вылезал» из воды без пары-тройки жирных карасей.

У «Лося» Старик задержался. Длинная сеть со стапятидесятимиллиметровой ячейей и пятиметровой посадкой была когда-то его гордостью. На «Лося», именно на «Лося», он долго делал ставку в своем изнурительном поединке. Однажды по только ему понятным признакам вычислил Его присутствие в глубокой яме-бочаге, соединенной с рекой узким горлом. Старик «Лосем» перехватил горло тройным рядом, а сам лежал сутки в тальниках, не сомкнув глаз, наблюдал за поверхностью. На исходе второй ночи яростно взбурлила вода. «Лося» пробили как трухлявую марлю. Старик нашел тогда, чешуйну величиной с блюдце, пытался идентифицировать ее по справочникам, консультировался у ихтиологов, но безрезультатно! Внятного и даже приблизительного ответа справочники и ихтиологи не давали.

Личная встреча, с глазу на глаз, случилась дважды.

Старик проверял сети рядом с Камнем темной ночью, совсем без звезд. Шумно плеснул веслом - внезапно из глыбы рядом с его хрупким «Язем» всплыло бревно. Всплыло и смотрело на человека двумя маленькими китайскими фонариками. У Старика захолонуло тогда сердце, онемели пальцы на веслах, он отгреб к берегу едва живой, со звоном в ушах. К Камню он больше не совался, а перед каждым выходом на воду бессознательно проводил рукой по груди, проверяя, на нем ли нательный крест.

Второй раз это случилось на уединенном острове, граничащем северной оконечностью с Большими Глубинами. Старик заночевал здесь однажды в шалаше вместе с Альмой, матерью Дипаль, жившей ныне на его дворе. Ночью Альма внезапно насторожилась, вышла из шалаша и, рыча, приблизилась к темной кромке воды. Так продолжалось минут пять или семь, а потом раздался отчаянный визг, сопровождаемый мощным, шумным плеском. Старик быстро, с топориком в руке, вышел на всплеск. Берег, однако, был пустынен, тлели головешки костра, в небе над головой всходили звезды. Лишь внимательно приглядевшись, в десяти метрах от себя, старик увидел огромную тень, словно от дерева, стоящего на берегу, но деревьев рядом, тем более такой величины, не было. Тень паблюдала за ним, кажется, даже приблизи-

лась на метр. Старик почувствовал ее холодное, неземное любопытство и теснимый страхом попятился в шалаш, где и провел остаток ночи, то ли во сне, то ли в бреду повторял иногда название якутского озера «Лабынкыр».

Однако надо было возвращаться в дом и вплотную заниматься завтраком. Кот к этому времени потерял контроль над собой и, голод не тетка, прищучивал урча окунька на полу рядом с печкой. Вскоре на огромной, «приказных» размеров чугунной сковородке, в подсолнечное масло рядами уложилась рыба. Прошло пять минут. В сковородке обозначилось какое-то движение, послышалось легкое шипение.

Старик прошел в комнату и уселся в потертое кожаное кресло на подламывающихся ножках, перед телевизором. Но телевизор включать не торопился. Взгляд Старика упал на конверт, лежащий среди разных бумаг на небольшом столике. Письмо было от друга детских – юношеских лет, переседшего капиталы за границу и уехавшего туда за полгода до Реставрации. Друг писал ему о своем заморском житье-бытье, сыновьях, владеющих фирмами, о молодой жене, звал к себе в гости, обещал компенсировать все затраты на дорогу. Почерк его не изменился с той поры, когда он был десятиклассником и писал письма в Вышний Волочек, где Старик начинал службу в рядах Вооруженных Сил. Буква «В», заглавная в его фамилии, так же горделиво красовалась, указывая на высокий уровень личных амбиций.

Трогаться с места в дальнюю дорогу было уже не по здоровью: Старик часто болел, не мог надолго отрываться от банок с мазями и настоями собственного изготовления.

Тем временем на кухне зашкворчала сковородка. Старик перевернул рыбу, вернулся назад, в кресло, включил телевизор. Тот долго гудел, мельтешил кадрами, словно пьяный, потрескивал, словно собирался распрощаться с жизнью, наконец, стабилизировался.

Второй год в стране шла Реставрация. Впервые Старик узнал о ней из размокшего куска газеты, занесенного в его сети весенними водами вместе с окунями и плотвой. Кусок расплзался по рукам, буквы кособочились, но энергетика текста, а главное – подспудные пласты смыслов не оставили у хозяина сетей сомнения: началось ожидаемое «вычисленное» душой Старика, историка по образованию, много лет назад... Старик запомнил имя: «Дмитрий», а вот фамилию не удержал в памяти, что-то «горозин» или «грозин» – в окончании.

Спецслужбы новой власти свезли со всего света министров и олигархов ельцинско-путинского «разлива». Шли покаянные процессы. Старик переключил канал. Там кто-то из новой власти обещал народу золотые горы. Пришлось телевизор выключить. Еще сильнее зашкворчала сковородка, приглашая к завтраку.

После завтрака (жареная рыба, черный хлеб, зеленый чай) Старик накормил Диналь и сел за стол, разложив перед собой приготовленные накали-

Он давно хотел написать повесть о рыбалке, о том месте, которое она занимала в его жизни, о том, как позволила выжить в годы социального ли-

холетья. Истоки своей почти мистической связи с рыбалкой Старик видел в самом раннем детстве, в примере отца, взявшего его 4-летним мальцом на речку, научившего держать удочку. В зрелые годы он сам стал мастером рыбалки, никогда не возвращался без улова домой, ловил удачно при любой погоде. Но никогда при этом, даже в немолодые годы, в нем не гас огонек какого-то детского удивления и восхищения перед великим чудом рыбной ловли, благословенной, очевидно, самим Богом. Его никогда не переставали волновать, радостно тревожить запах заиленных сетей, трепещущее золото язей, тяжесть свинцовых грузил в руке...

Старик часто думал о смерти и хотел бы встретить ее в лодке, выбирающим сети под серым пологом деревенских небес или подматывающим спиннинг крупную щуку. Увлекаемая течением лодка плыла бы некоторое время сама по себе по протоке, а он смог бы «попрощаться» с тальниками и гравиями, местами, подарившими ему божьим благословением радость земного бытия.

Старик взял ручку, вывел название – «Ил и сети». Он на секунду задумался, потом продолжил: «Я родился 24 октября 1952 года в город Мариинске, что на реке Кие...».

2003 г.

ВЕРА ПРАВДА

СТИХИ

В сибирских вековых лесах
Я грежу о челнах Генисарета.
Кружится солнце Нового Завета
На общих небесах.

Когда у нас в разгаре день,
Не веришь расспроси садовниц,
Как от резной листвы смоковниц
Рябин узорчатая тень.

И если ноздри жжет мне суховей,
Пропахший пылью Палестины,
К земле Божественного Сына
Я ближе, чем по крови иудей.

И для меня соткет зима покров,
Проступят тени, как следы от мирры,
И до Пасхального торжественного пира
Я буду стыть среди снегов.

1994

Летний день

Не просмотреть, запомнить этот день,
Все сущее старательно приметить.
От мелких камешков рассыпчатую тень,
Да все, что глазу доведется встретить —

Соломинку с надтреснувшим бочком.
Резьбу зеленую простого конотопа,
Решетки черные иссохших луж, при том
Прямых свидетелей куриного потопа

Не пропустить и сломанный забор,
Где в дырки любопытные головки
Просунули космея, водосбор,
Обряженные в лстгнис обновки

Осень расщедрилась..

Осень расщедрилась,
Нам возвращая
Долги скуповатого лета.
Синью заточено,
Жаром исходит
Сусальное золото лип.
Стружка сухая листвы
Под кроны нападала тесно.
Осень чудит.
Осень расщедрилась так —
Топы и мини
Гуляют по улицам снова,
И голоногие девочки
Каблучками победно стучат!

21 сентября, 1997

Хорошо весной, в середине жизни
Пить крепкий чай,
Когда уснули дети.

Люблю и хочу
Старится рядом с тобою.
И еще я хочу раньше тебя умереть.

Крепок дом,
В котором живут
Дети, собаки и кошки.

Моя душа, Господь,
Как забинтованная рана:
Мне больно открывать, Тебе – смотреть.

Кошка свернулась клубочком.
Вот бы и мне блаженствовать так
Без всякой причины.

Зеркало, никогда
Так жадно
В тебя не смотрелась.

Балует Бог меня:
В миг любой, когда захочу,
Могу прикоснуться к тебе.

Часто сплыву себе
Обольстительной, юной,
Просыпаюсь – сорокалетняя.

23 ноября, воскресенье

Последние цветы осени

Вот и вам довелось
На вкус
Попробовать первый снег.

16 мая, суббота

В ванне лежу,
А пес, под нее забравшись,
Вздыхает, совсем как мужчина.

6 января, четверг

На лютном морозе
Закутались в иней
Красные кисти рябин.

25 апреля, среда

Груда пожелтевших фотографий,
Как охапка опавших листьев...
Целый день их ворошу, ворошу...

24 августа, пятница

Шитьем жемчужным паутинок
Расшиты по утрам
Июльские луга.

21 сентября, суббота

Расцвеченные осенью в срок
Сырые леса –
У Бога получается всё.

СОДЕРЖАНИЕ

Старые мастера

Книга о политехе

Старые мастера.....	3
Кафедра.....	67
Смешные истории.....	78
Приложения.....	83